

IV. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Чернядьева Н. А., Васильева Ю. В. Влияние Ялтинской конференции на развитие современного международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 394–423. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-394-423.

Cherniadeva N.A., Vasilyeva Yu. V. Cherniadeva N. A., Vasilyeva Yu. V. Vliyaniye yaltinskoy konferentsii na razvitiye sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Influence of the Yalta Conference on the Development of Modern International Law]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 52. Pp. 394–423. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-394-423.

УДК 341.18:061.3 (477.75)

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-394-423

ВЛИЯНИЕ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Н. А. Чернядьева

Крымский филиал Российского
государственного университета правосудия
E-mail: chernyadnatalya@yandex.ru

Ю. В. Васильева

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
E-mail: vasilev95@list.ru

Поступила в редакцию 30.11.2020

Введение: статья посвящена анализу вклада Ялтинской конференции 1945 г. в становление современной международно-правовой системы. По мнению авторов, в настоящее время происходит существенное занижение роли решений данной конференции в формировании действующего международного права. **Цель:** выявить элементы современного международного права, в становлении и развитии которых сыграла роль Ялтинская конференция. **Задачи:** раскрыть роль международных конференций как механизмов развития международного права; показать особенности Ялтинской конференции; исследовать международно-правовые решения, которые принимались в ходе Ялтинской конференции. **Методы:** общенаучные методы анализа, синтеза, интерпретации, формальной логики; метод историко-правового анализа; методы формально-юридического анализа и правового моделирования. **Результаты:** в статье доказывается, что Ялтинская конференция заложила правовые основы для новых значимых международно-правовых предписаний. Основными международно-правовыми достижениями Ялты-1945 предлагается считать: окончательное согласование создания ООН; создание совершенно нового механизма международно-правового управления – Совета Безопасности ООН; участие в формировании новой системы источников международного права; участие в разработке принципиальной основы нового международного права; участие в формировании ряда новых отраслей международного права. **Выводы:** Ялтинская конференция знаменует окончание одной и начало новой эпохи, где в системе управления международно-правовыми отношениями важнейшее место будет занимать ООН. Многие решения, принятые в Ялте, касались будущего международного правопорядка, а не только разрешения геополитических проблем последнего этапа Второй мировой войны.

Ключевые слова: Ялтинская конференция; международно-правовая система; международное право; развитие международного права; международная конференция; ООН; Совет Безопасности ООН; право международной безопасности

INFLUENCE OF THE YALTA CONFERENCE ON THE DEVELOPMENT OF MODERN INTERNATIONAL LAW

N. A. Cherniadeva

Crimean Branch of the Russian State University of Justice
E-mail: chernyadnatalya@yandex.ru

Yu. V. Vasilyeva

Perm State University
E-mail: vasilev95@list.ru

Received 30.11.2020

Introduction: *the article analyzes the contribution of the Yalta conference of 1945 to the formation of the modern international legal system. We believe that the role the decisions taken at this conference played in the formation of current international law is significantly underestimated these days. The purpose of this article was to identify the elements of modern international law the formation and development of which were influenced by the Yalta Conference. For this, the following objectives were set and consistently accomplished in the course of research: to determine the role of international conferences as mechanisms for the development of international law; to identify the features of the Yalta conference; to study international legal decisions that were made during the Yalta conference. Methods: we applied general scientific methods of analysis, synthesis, interpretation, formal logic. In connection with the study of historical aspects of international legal science, the method of historical and legal analysis played a significant role. Of the specialized legal methodological tools used in the preparation of the article, we note the methods of formal legal analysis and legal modeling. Results: the article proves that the Yalta conference laid the legal foundations for new significant international legal regulations. We consider the following to be the main international legal achievements of Yalta-1945: final agreement on the creation of the UN; the creation of a completely new mechanism of international legal governance – the UN Security Council; participation in the formation of a new system of sources of international law; participation in the development of the basis of new international law; participation in the formation of a number of new branches of international law. Conclusions: the Yalta Conference marks the end of one era and the beginning of a new one, in which the UN will occupy the most important place in the system of management of international legal relations. Many decisions made in Yalta concerned the future of the international legal order, and not just the resolution of the geopolitical issues of the Second World War at its last stage.*

Keywords: Yalta conference; international legal system; international law; development of international law; international conference; UN; UN Security Council; international security law

Введение

Тема Ялтинской или, как ее иначе называют, Крымской конференции 1945 г. не относится к разряду разработанных в науке международного права. Как правило, к ней обращаются специалисты в областях исторической, политологической наук, в сфере международных отношений. Примечательно, что основной массив исследований приходится на период 1970–

80-х гг. Именно в это время в государствах-участниках произошла публикация большинства документов конференции, мемуаров и воспоминаний [10; 13; 22], появилась источниковая база для проведения научных исследований. Исследования С. Б. Сосинского, В. Я. Сиполса и И. А. Чельшева, А. Ю. Борисова раскрывают детали проведения Крымской конференции и представляют собой попытки ее историко-политологической интерпретации [6; 37; 40].

Отметим, что до сих пор часть документов Ялты-1945 засекречена. Работа по их обнаружению продолжается. Например, в январе 2020 г., в ознаменование 75-летней годовщины Великой Победы, Министерством обороны РФ были представлены уникальные рассекреченные документы из фондов Центрального архива военного ведомства, посвященные встрече глав трех стран антигитлеровской коалиции [2].

Среди современных работ события Ялты-1945 достаточно подробно описываются в изданном к семидесятилетию Великой Победы 15-томном труде. Четырнадцатый том издания – о дипломатической стороне Великой Отечественной войны, дает объемное представление о Ялтинской конференции [9]. Из отечественных научных работ, написанных за последние годы и посвященных значению Ялтинской конференции, можно отметить серию статей и монографий О. К. Шевченко, отличающихся многоаспектным глубоким анализом событий, связанных с Ялтой 1945 г. [48; 49]. Из зарубежных исследований последних лет – монографии Ф. Дж. Харбатта [66], Ф. Костиглиолы [58], Дж. Рейнолдса [87], Д. Плеша [81], в которых исследование Ялтинской конференции 1945 г. вплетено в канву историко-политических событий Второй мировой войны и послевоенного периода.

В целом можно отметить, что все отечественные и зарубежные работы содержат неоднозначную оценку Ялтинской конференции. О. К. Шевченко показал, что все они традиционно укладываются в две модели: либо подчеркивается незначительность результатов Ялтинской конференции, безрезультатность, узкая специализация по разрешению вопросов, связанных с окончанием войны; либо, напротив, говорится о ее серьезном значении для формирования единого мирового пространства, об удачном примере мирного диалога разных цивилизаций, о высокой результативности диалога враждующих идеологических систем в условиях обоюдных компромиссов [49, с. 15]. Например, Г. Беннет называет ее «всего лишь одной и не самой важной из серии встреч союзников в военное время для решения вопросов, с которыми столкнется послевоенный мир» [53]; А. А. Громыко, наоборот, пишет о решающем для будущего значении Ялтинской конференции: «...именно на ней были определены ос-

новные опоры послевоенного мирового устройства» [12, с. 6].

Таким образом, имеется представительный ряд научных исследований о Крымской конференции 1945 г., в которых раскрывается историческое и политическое значение этой встречи глав государств-союзников. Однако видится совершенно невыразительным взгляд юристов-международников на это событие. Как правило, в международно-правовых исторических исследованиях все ограничивается хрестоматийной констатацией высокой значимости этой конференции для будущего международного права, без аналитического обоснования этого вывода [3, с. 55; 21, с. 73–75]. При скептическом отношении зарубежных исследователей и, практически, отсутствии научной дискуссии о вкладе Ялты 1945 г. в дело формирования международной политико-правовой системы были созданы условия для распространения одностороннего необъективного взгляда на этот форум [23, с. 70].

В последнее время попытки исключить решения этого форума из списка знаковых событий, определивших вектор послевоенного международно-правового развития, стали еще более явными. Так, например, на официальном сайте ООН, в разделе «Страницы истории ООН» указывается, что Устав ООН был разработан на основе предложений, выработанных «представителями Великобритании, Китая, Советского Союза и Соединенных Штатов в Думбартон-Оуксе в августе–октябре 1944 г.» [41]. Ради справедливости укажем, что на сайте ООН Ялтинская конференция упоминается, но лишь в связи с тем, что на ней был ликвидирован «один пробел в предложениях, принятых в Думбартон-Оуксе», а именно установлен порядок голосования в Совете Безопасности ООН. Таким образом, согласно официальной позиции ООН, Ялтинская конференция не может считаться значимым мероприятием, существенно повлиявшим на будущее международно-правовое устройство, в частности на появление ООН. Такая позиция выявляет проблему, имеющую непосредственное отношение к вопросам о роли СССР в основании ООН и о месте России среди стран – учредителей ООН и ведущих держав мира, управляющих современными международно-правовыми отношениями. Представляется, что игнорирование ро-

ли Ялтинской конференции в создании ООН и развитии современного международного права не соответствует имеющимся историческим и правовым документам и формирует ограниченное представление о развитии международного права в тот период. В связи с этим исключительно важно исследовать роль Ялтинской (Крымской) конференции, посвященной вопросам послевоенного обустройства мира, в формировании действующей модели международной правовой системы.

1. Международные конференции как механизм развития международного права

Общепризнанными источниками международного права считаются международные договоры, международно-правовые обычаи, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями (ст. 38 Статута Международного Суда ООН). Помимо их, в международно-правовой доктрине источниками признаются судебные решения как «доказательство обычной нормы международного права», нормативные резолюции международных организаций, односторонние действия государств [24, с. 205; 56, pp. 183–186; 68, pp. 2–3].

Решения межгосударственных форумов (конференций, совещаний, саммитов) достаточно редко рассматриваются как источники международного права. Формат таких встреч задает специфику как обсуждаемой повестки, так и статуса выработанных решений. Как правило, межгосударственные конференции проводятся с целью обсуждения насущных проблем, согласования политических позиций, выработки курса политического поведения в определенной ситуации. Все это не требует безусловного оформления всех результатов конференции в виде юридически значимого документа. С.В. Черниченко отмечает, что обычно межгосударственные встречи, связанные с обсуждением политических вопросов, порождают рассчитанные на однократное или многократное применение политические обязательства; документы, в которых такие обязательства оформлены, не могут считаться источниками международного права [45, с. 162].

Неправовой характер решений межгосударственных форумов нередко используется в политико-правовой практике как оправдание для отказа от их исполнения [93, pp. 156–157].

Так, вопрос о пересмотре ялтинских соглашений встал практически сразу после окончания Второй мировой войны. Уже на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) (октябрь–ноябрь 1947 г.) представители США, Австралии, Кубы, Филиппин и Аргентины настаивали на пересмотре статей 27, 33, 34, 108, 110 Устава ООН и отмене правила единогласия при принятии решений в Совете Безопасности ООН¹. Согласно позиции этих государств, межгосударственные соглашения 1943–1945 гг. были вызваны военной необходимостью, но «...времена меняются, и политическая обстановка в настоящее время отличается от обстановки 1945 года...»², что позволяет говорить об изменении одного из важнейших положений Устава ООН.

Думается, что нельзя относиться к политическим результатам межгосударственных форумов как к «пустым», необязательным для исполнения, не имеющим значения для международного права. Выскажем несколько соображений по этому поводу.

Во-первых, политические договоренности (политические соглашения; взятые на себя политические обязательства) представляют собой разновидность социальных норм. Соответственно, в отношении них действуют общие правила исполнения социальной нормы: политические обязательства влекут политическую ответственность, их исполнение обеспечивается политическими средствами. Нарушение или отказ от взятых на себя политических обязательств, хотя и не может считаться противоправным, все же должно расцениваться как недостойное, не отвечающее принципу добросовестности, порицаемое поведение.

Во-вторых, в практике международных конференций можно выделить категорию встреч, на которых решались серьезные новые проблемы, затрагивающие мировое сообщество. По справедливому замечанию Г. В. Игнатенко, такие политические решения со временем могут трансформироваться в юридически обязательные документы и приобрести качество источников международного права [30,

¹ Пользование правом вето: доклад Первого комитета. Doc. A/PV.122. Nov. 21. 1947. Art. 115.

² Продолжение обсуждения вопроса о пользовании правом вето. Doc. A/PV.123. Nov. 21. 1947. Art. 116.

с. 147]. Думается, что трехсторонняя встреча в Ялте в феврале 1945 г. представляет пример такой конференции. Большинство ее решений впоследствии приобрели правовую форму и реализовались в Уставе ООН, иных международно-правовых документах, принятых под эгидой ООН.

В-третьих, с формально-правовой точки зрения выработанное на межгосударственной конференции политическое решение, если оно публично озвучено государством, может оцениваться как его односторонний обязывающий акт. Международный суд ООН в деле об испытании ядерного оружия Францией (1974 г.) отметил: «Общеизвестно, что заявления, сделанные путем одностороннего акта, касающиеся правовых или фактических ситуаций, могут содержать правовые обязательства... Когда государство намерено сделать [одностороннее обязывающее] заявление, ... [оно обязано] соблюдать курс поведения в соответствии с декларацией... заинтересованные государства ... имеют право требовать уважения к созданному таким образом обязательству». В качестве обязательных элементов одностороннего государственного обязательства Международный суд ООН сформулировал два условия: намерение взять обязательство и публичность его подачи. Форма заявления не имеет существенного значения¹.

В международно-правовой науке статус односторонних действий государства как источников международного права подвергается сомнению. Д. Кеннеди, например, считает, что не может быть равным международно-правовой режим документов, основанных на результатах переговоров нескольких государств, и документов, отражающих недоговорную позицию государства по международной повестке: согласованность намерения в договорном порядке обеспечивает юридическую силу источника международного права [73, pp. 49–51]. Тем не менее политические решения, как результат межгосударственной конференции, основаны на общей выработанной воле государств – участников встречи. Поэтому представляется, что согласо-

ванные решения межгосударственных конференций, озвученные государством, могут, в определенных обстоятельствах, признаваться односторонними обязывающими действиями государства источниками международного права.

В-четвертых, политические решения межгосударственных конференций, оформленные в виде документов, могут расцениваться как акты *soft law* [60, p. 361].

Вопрос о правовой природе необязательных международно-правовых документов относится к разряду дискуссионных. М. Н. Шоу, например, отрицает правовую природу мягкого права, но признает возможность его влияния в международной политике [89, pp. 117–11]. М. Рейсман считает, что у норм *soft law* отсутствует важнейший признак международно-правовой нормы – наличие четкого межгосударственного консенсуса по поводу ее содержания [85, p. 135].

С.В. Черниченко является сторонником правового характера *soft law*, но проводит разграничение между политическими нормами и решениями международных конференций, содержащих рекомендательные нормы по критериям: наличие/отсутствие государственных обязательств и юридической природы документа [45, с. 165].

А. Т. Гусман и Т. Л. Мейер называют нормы *soft law* «квазиправовыми» и признают их возможность создавать правовые последствия, если сформированы государствами соответствующие ожидания [65, pp. 219, 221–222].

Р. Хиггинс также считает, что *soft law* обладает правовым регулятивным потенциалом: «Принятие обязательных решений не единственный способ развития [международного] права. Юридические последствия могут также вытекать из действий, которые в формальном смысле не являются “обязательными” [67, p. 25]. Эта точка зрения представляется предпочтительной. Появление в международном праве механизма мягкого права объясняется спецификой международно-правового регулирования, заинтересованностью субъектов в особых, юридически ослабленных правилах, позволяющих более амплитудное поведение без угрозы стать международно-правовым нарушителем.

Таким образом, подводя промежуточный итог, выскажемся в пользу того, что политиче-

¹ *Case International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders: Nuclear Tests Case (New Zealand v. France) ICJ. Judgment of 20 December 1974. ICJ Reports 1974. Para 46-49. URL: <http://www.icj-cij.org>.*

ские решения межгосударственных форумов, в случае если они предполагают юридические изменения, могут создавать условия для развития международного права.

В общем объеме межгосударственных конференций выделяется группа дипломатических встреч на высшем уровне, создавших для своего времени качественно новые условия для международно-правовой действительности. В связи с тем, что начиная с Вестфальских договоров 1648 г. международно-правовые усилия в основном были направлены либо на урегулирование военных конфликтов между великими державами, либо на предотвращение таких войн в будущем, эти конференции, как правило, были связаны с завершением эпохальных международных конфликтов [74, р. 155; 91, р. 117]. Наука международного права признает эти межгосударственные встречи переломными, меняющими лицо международного права и порождающими новый этап его развития [62, pp. 27–35; 64, pp. 13–34].

Становление международно-правовой системы принято связывать с появлением первого общеевропейского международного договора, закрепившего результаты Тридцатилетней войны – Вестфальского мирного трактата (1648г.), объединившего Оснабрюкский и Мюнстерский мирные договоры. По мнению И. И. Лукашука, это международное соглашение подготовило переход к этапу капиталистического международного права [26, с. 25]. А. Бергесен и О. Лизардо полагают, что Вестфальский договор стал началом современного мирового правопорядка [54, pp. 47–49]. Близкую точку зрения высказывает А. МакКеон [76, р. 224].

Вестфальский мирный трактат заложил принципиальные основы современного международного права (равенство государств, уважение государственного суверенитета, приоритет договорного порядка разрешения международных споров) [20, с. 37–38].

Венский конгресс 1815 г. сформулировал основные правила международного дипломатического права, международно-правового режима нейтралитета, заложил основы права международной ответственности государств.

Берлинский конгресс 1878 г. подвел итоги более чем 30-летнего общеевропейского вооруженного конфликта. Берлинский трактат

внес вклад в развитие института международно-правового признания государств (в связи с достижением независимости славянскими государствами Балканского полуострова и Румынией), стал первым многосторонним международно-правовым документом, устанавливающим механизм международно-правовой защиты национальных и конфессиональных меньшинств и провозгласившим равный доступ к осуществлению гражданских и политических прав [16, с. 107].

Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. разработала новый механизм обеспечения международной безопасности: международную межправительственную организацию – Лигу Наций, целью которой стало недопущение войны как способа разрешения межгосударственных споров¹.

Думается, что Ялтинскую конференцию 1945 г., как провозгласившую создание ООН и заложившую основы для нового международно-правового порядка, по праву можно рассматривать в одном ряду с вышеназванными межгосударственными конференциями. Повторим, что в отечественной историографии, посвященной Ялте-1945, господствует представление об исключительно высокой международной значимости этой конференции [9, с. 7; 49, с. 4–12].

При этом не может считаться окончательно решенным вопрос о соотношении влияния на будущее международного права результатов Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. и Ялтинской конференции. В основном дискуссия касается оценки событий, послуживших началом современного этапа международного права. Превалируют две точки зрения. Показательно, что обе связывают качественное изменение международно-правового регулирования с окончанием мировых войн.

Согласно первой, переломный момент, обозначивший начало современной международной правовой системы, – это окончание Первой мировой войны и учреждение Лиги Наций в 1919 году. Например, М.-Х. Рэно называет Версальский договор «эскизом и новой метаморфозой (*esquisse une nouvelle metamorphose*)», положившим начало действующему

¹ *Статут* Лиги Наций от 28 июня 1919 г. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1275429>.

международному праву и социальной свободе [86, р. 161]. М. Мазовер, на основе анализа взглядов основателей Лиги Наций и ООН, показывает их общие идеологические корни и делает вывод о том, что современный международный правопорядок (Лига Наций и ООН) обязан своим появлением кризису британского империализма рубежа XIX–XX вв. [75, pp. 8–9].

Нельзя недооценивать значение мирового правопорядка, основанного на нормах Версальского договора. Благодаря ему появилась и была апробирована первая мировая система обеспечения мира (Версальско-Вашингтонская система). Однако, как справедливо отмечено у С. К. Неффа, этот миропорядок не предполагал справедливого равновесия политических сил на международной арене, разрешал победившим державам произвольно определять судьбу межгосударственных договорных отношений [80, р. 377]. Это объективно повлекло несбалансированность и неуниверсальность системы, что, в свою очередь, спровоцировало новый катастрофический по масштабам и последствиям глобальный вооруженный конфликт и обесценивание предписаний Версальско-Вашингтонской системы.

Поэтому более обоснованной представляется вторая точка зрения, сторонники которой признают ключевым событием, заложившим принципиально новые правила международно-правовых отношений, основание и начало деятельности Организации Объединенных Наций в 1945 г. [19, с. 127; 61, р. 80; 63, pp. 3–4; 89, pp. 30–31].

Е. Т. Усенко, оценивая стабильность и способность к эволютивному развитию системы международного права, указывал, что появление нового или исчезновение старого элемента в ней, и даже значимые изменения в одном из элементов, влекут изменение всей системы в целом [42, с. 205]. Действительно, поступательное развитие международного права исключает возможность сосуществования двух международно-правовых систем: предыдущей и новой. В действующем международном праве происходит постепенная замена устаревших элементов на современные, создаются комплексы норм, качественно соответствующие актуальным вызовам и потребностям мирового сообщества.

В этом плане создание ООН, безусловно, ознаменовало переход к новому качеству международно-правового регулирования, создало совершенно иные условия для сотрудничества государств на мировой арене.

Особо следует сказать об актуальности решений крупных межгосударственных форумов прошлого и сохранении международно-правового регулятивного потенциала их решений. Подчеркнем, что все судьбоносные дипломатические конференции показывают преемственность международно-правового развития и следование сложившимся традициям международного права. Системообразующие основы международного права, сформулированные еще в Вестфальском мирном трактате, такие как уважение государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела государства, равенство государств в международных отношениях, принцип баланса сил и признание международного права как основного регулятора межгосударственных отношений [35, с. 97–98], в настоящее время имеют статус общепризнанных принципов международного права и определяют сущность международной правовой системы. В. Н. Зорькин называет основанную на принципе суверенитета Вестфальскую систему лучшей и не видит в перспективе возможности ее замены на более качественную [15]. О сохранении принципов Вестфалия в современном международном правопорядке писал Д. И. Фельдман [44, с. 110].

В связи с этим можно критически отнестись к культивируемой в научной литературе идее о конце Вестфальской (в общем) и Ялтинской (в частности) международно-правовых систем [23, с. 70; 31, с. 183–185]. Представляется, что, при всей изменчивости современных геополитических условий, пока нет оснований говорить об отказе субъектов международного права от базовых международно-правовых принципов.

2. «Ялтинские» новеллы в международной правовой системе

Насколько Ялтинская конференция повлияла на будущее международного права? Или же выработанные на ней решения имели пусть и значимый, но кратковременный эффект, переставший действовать после создания и начала работы ООН? Назовем наиболее важные международно-правовые достижения Ялты.

Окончательное согласование учреждения ООН как базовой, авторитетной, международной универсальной организации

Началом организации ООН принято считать так называемую Атлантическую конференцию, проведенную США и Великобританией в августе 1941 г. [47, с. 398–411]. Интересно, что эта встреча, организованная в условиях как начала военной кампании против СССР, когда ее перспективы для нашего государства выглядели тревожно, так и пока еще неучастия США во Второй мировой войне, имела целью обсуждение вопроса о послевоенном мировом устройстве: перераспределении сфер политического и экономического влияния между будущими победителями – американцами и англичанами.

Анализ положений Атлантической хартии, в частности пункта 5, на который принято ссылаться как на первое международно-правовое закрепление будущей ООН, не позволяет сделать однозначный вывод о намерении авторов Хартии создать универсальную международную организацию, обеспечивающую мир и безопасность. В этом пункте говорится о желании подписантов «...способствовать в полной мере сотрудничеству между всеми государствами в экономической области с целью всеобщего обеспечения более совершенных условий труда, экономического прогресса и социальной безопасности»¹, что слабо напоминает основные цели создания ООН. В двух следующих пунктах высказывается надежда на «...установление мира, который предоставит всем государствам возможность жить в безопасности в их собственных границах и который позволит гарантировать, что все люди на земле смогут жить в условиях свободы от страха и лишений» и возможность для всех людей «...беспрепятственно пересекать открытое море и океаны». Эти идеи, безусловно, имеющие международно-правовой характер, в дальнейшем были отражены в документах ООН, но не свидетельствуют о намерении государств создать новую международную организацию.

На сайте ООН Атлантическая хартия называется документом, который подтверждает «...некоторые общие принципы национальной политики ... США и Великобритании...», прин-

ципы, на которых они базировали свои надежды на лучшее будущее мира». Эта оценка представляется справедливой и объективной.

В связи с этим показательно, что в документах Ялтинской конференции Атлантическая хартия упоминается лишь в Декларации об освобожденной Европе, по вопросам восстановления демократических режимов в послевоенных европейских государствах².

Думается, что Атлантическая конференция 1941 г. была в значительной мере сепаратным мероприятием, демонстрирующим односторонние планы государств-участников на управление мировым правопорядком без привлечения других стран, воюющих против фашистской Германии. В СССР это хорошо понимали. По словам И.В. Сталина, «... невольно создается впечатление, что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые стремятся установить мировое господство, а против СССР» [77, р. 189]. Поэтому, несмотря на принципиальное согласие на присоединение к положениям Хартии, СССР сразу настаивал на пересмотре ее положений и установлении равноправных союзнических отношений как во время текущей войны, так и после нее.

Таким образом, оценка Атлантической хартии как первого шага в создании ООН представляется завышенной.

Еще одним шагом к созданию ООН считается Декларация Объединенных Наций, подписанная 1 января 1942 г. Ее содержание было подготовлено совместно «большой четверкой» (США, Великобритания, СССР и Китай)³. Однако этот документ, в контексте создания ООН, примечателен лишь тем, что в нем впервые прозвучал термин «объединенные нации», который впоследствии приобрел именное значение для международной организации. Никаких существенных признаков будущего универсального объединения в этом документе не раскрывалось.

Более значимыми представляются результаты Московской конференции министров ино-

¹ *The Atlantic Charter // The Yearbook of the United Nations. N.Y., 1947. P. 2.*

² *Crimea (Yalta) Conference, 1945. Report signed at Yalta February 11, 1945. Pp. 1008-1009 // Treaties and other international agreements of the United States of America, 1776-1949. T. 3: Multilateral Agreements 1931-1945. 1968. Washington, D.C., Dept. of State. Pp 1006-1014. URL: <https://archive.org/details/treatiesotherint01unit>.*

³ *1942: Declaration of The United Nations // The Yearbook of the United Nations. N.Y., 1947. P. 1.*

странных дел СССР, США, Великобритании и Китая 1943 г., на которой была принята Московская декларация о всеобщей безопасности (Декларация четырех государств), в 4-м пункте которой признается необходимость «...учреждения в ближайшее возможное время универсальной международной организации, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства – большие и малые, [имеющие целью] поддержание международного мира и безопасности»¹.

Таким образом, можно признать, что история ООН начинается именно с московской конференции 1943 г. В Декларации четырех государств уже прослеживаются очертания будущей ООН: уточнена основная цель будущей организации, согласованы ее открытый для всех государств характер, общемировой масштаб деятельности и некоторые принципы (суверенитет и равенство всех государств).

Следующим значимым шагом в деле создания ООН стали переговоры в Думбартон-Оукс в августе – октябре 1944 г. Еще до начала переговоров США, Великобритания и СССР подготовили проекты меморандумов, в которых предложили свои варианты основных параметров будущей универсальной организации. Так же, как и на Московской конференции 1943 г., за основу для обсуждения союзниками был взят советский меморандум [5, с. 361–365]. В течение ограниченного периода (по факту, за один месяц, с 21 августа по 28 сентября 1944 г. – на первом этапе, в котором участвовали представители США, Великобритании, СССР) удалось согласовать следующие вопросы:

– окончательно определить цель создания новой универсальной организации. Напомним, что ко времени встречи в Думбартон-Оукс были высказаны две идеи: США и Великобритания в Атлантической хартии 1941 г. согласовали преимущественно экономический характер («создание более совершенных условий труда, экономического прогресса и социальной безопасности»); в Московской декларации 1943 г., по инициативе СССР, было зафиксировано пожелание об учреждении организации в целях поддержания международного мира и безопасности. Как показывают документы Думбартон-

Оукс, вопрос о цели новой организации еще оставался дискуссионным². В итоге участники согласовали предложение СССР о признании международной безопасности и поддержании мира основной целью, в качестве дополнительных целей провозглашались «развитие дружественных отношений между нациями и осуществление международного сотрудничества в области экономических и социальных вопросов»³;

– сформулировать принципы деятельности ООН. Помимо уже согласованного на Московской конференции 1943 г. «принципа суверенного равенства всех миролюбивых государств», будущие участники организации должны взять на себя обязательства «разрешать свои споры мирными средствами», «отказаться от угрозы силой ее использования», «оказывать всемерную помощь новой организации», «воздерживаться от оказания помощи государству, против которого организацией предприняты меры превентивного или принудительного характера»⁴. В дальнейшем эти идеи были закреплены в статьях 1 и 2 Устава ООН;

– определить систему и наметить полномочия главных органов будущей организации. Единодушно было решено, что таковыми станут Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности (СБ), Международный суд, Секретариат. В качестве «вспомогательного органа» было согласовано учреждение Экономического и Социального совета (ЭКОСОС), принимающего рекомендательные решения по вопросам экономического и социального сотрудничества государств;

– создать базовый алгоритм разрешения международных споров, «угрожающих международному миру и безопасности, включая предотвращение и подавление агрессии». Решающая роль в этом процессе отводилась Совету Безопасности ООН⁵.

² *Предложения* относительно создания всеобщей международной организации безопасности // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 2. С. 243–259.

³ *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.*: сб. док. / МИД СССР. М.: Политиздат, 1978. Т. 3: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 авг. – 28 сент. 1944 г.). С. 241.

⁴ Там же. С. 229–230.

⁵ *Proposals for the Establishment of a General International Organization* // *The Yearbook of the United Nations*. N.Y., 1947. Pp. 4–9.

¹ *The Moscow Declaration of General Security* // *Ibid.* P. 3.

Западная юридическая наука считает встречу в Думбартон-Оукс определяющей для создания ООН [69, p. 32 and next]. ООН, как уже было сказано, официально поддерживает эту установку, подчеркивая, что именно на этой конференции были согласованы все важнейшие вопросы правового статуса этой международной организации.

В дальнейшем отечественные исследователи, без достаточного объективного анализа и научно-критического отношения, стали тиражировать эту устоявшуюся за рубежом версию в своих работах [18, с. 79]. Думается, что такое комплементарное отношение к переговорам в Думбартон-Оукс требует коррекции. Оно не учитывает всех факторов и отражает односторонний взгляд на проблему создания ООН и современного международно-правового порядка.

Во-первых, сложно согласиться, как это заявлено на сайте ООН, что все аспекты создания ООН, за исключением «одного пробела – порядка голосования в Совете Безопасности ООН» [41], были согласованы в Думбартон-Оукс.

Сразу после этой встречи ее вклад в создание будущей ООН хорошо понимался участниками. Так, в итоговом совместном коммюнике указывалось, что «переговоры ... привели в большой степени к соглашению о *рекомендациях по вопросу общего плана* организации и, в частности, в отношении механизма, необходимого для поддержания мира и безопасности»¹.

Ф. Рузвельт по итогам встречи в Думбартон-Оукс не был уверен в успехе создания ООН и считал, что на тот момент удалось лишь *наметить* контуры новой организации [9, с. 32].

Наиболее сложные вопросы будущего международно-правового порядка даже не предполагались для обсуждения на этой встрече. Все меморандумы государств-участников были близки по содержанию. По словам И. В. Сталина, «характерным для этой конференции, является ... то, что девять десятых вопросов безопасности были разрешены на этой конференции в духе полного единодушия» [17, с. 310].

Единственный политически и юридически значимый вопрос, по которому были разногласия в меморандумах участников, – это порядок голосования в СБ ООН, действительно ставший

камнем преткновения. Позиция США и Великобритании, согласно которой государства – члены СБ ООН, являющиеся участниками международного конфликта, не могут участвовать в голосовании, соответственно, не имеют права применить veto, не была поддержана СССР. Наше государство настаивало на безусловном единогласии всех постоянных членов СБ ООН. Вопрос о порядке голосования в ООН получил свое разрешение лишь на Ялтинской конференции, причем в варианте, предложенном советской стороной и предусматривающем единогласие великих держав – учредителей ООН [8, с. 577–578].

В Думбартон-Оукс не обсуждался ряд вопросов, имеющих важное значение для будущего международно-правового порядка, они были рассмотрены позже, в т. ч. и на Ялтинской конференции. Назовем их:

– не обсуждался вопрос о судьбе Лиги Наций, в т. ч. о ее ликвидации и правопреемстве;

– не были разграничены полномочия Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН;

– не был решен вопрос о правовом статусе Международного суда ООН (МС ООН), даже не была согласована базовая модель статута МС ООН²;

– не были определены критерии и условия членства в новой международной организации;

– не была решена дилемма между планируемой универсальностью новой организации и сохранением ведущей роли мировых держав в управлении международным правопорядком;

– лишь пунктирно были намечены миротворческие функции организации и осталась неясность в плане того, как они будут соотноситься с идеей государственного суверенитета;

– не обсуждалась проблема нового, послевоенного, мирового устройства, предполагающего изменение политической карты мира, освобождение подмадантных, колониальных, оккупированных территорий.

Во-вторых, неверно оценивать встречу в Думбартон-Оукс как полноценную международную конференцию, имеющую своей целью изменение международного политико-правового характера. Формально она имела статус

¹ Советский Союз на международных конференциях... Т. 3. С. 213.

² *Proposals for the Establishment of a General International Organization. Chapter VII. P. 7.*

предварительных неофициальных переговоров¹. Это объясняет круг руководящих лиц делегаций, хотя и имеющих высокие должности в органах внешних сношений государств-участников, но не являющихся первыми лицами: от имени СССР – А. А. Громыко (посол СССР в США); от имени США – Э. Стеттиниус (государственный секретарь США); от имени Великобритании – А. Кадоган (заместитель министра иностранных дел Великобритании); от имени Китая – В. Ку (дипломат и политический деятель Китая).

Фактически это была рабочая встреча, формат которой предполагал глубокое обсуждение текущих вопросов, выработку проектов решений для последующего вынесения их на конференцию высокого уровня, где они должны быть окончательно согласованы и приняты.

О подготовительном характере встречи в Думбартон-Оукс косвенно свидетельствует то, что США даже не включили ее протоколы и иные документы в перечень международно-правовых документов США, в отличие от документов Ялтинской конференции (коммюнике, протоколы и соглашения)².

«Рабочий характер» итоговых документов Думбартон-Оукс подтверждается также и огромным, по словам А. А. Панкина, первого заместителя Постоянного представителя РФ при ООН (2010-2014), в виде тонн документов [81, р. 13], объемом последующих поправок и уточнений. Так, только Великобритания сформулировала более 900 предложений [32, с. 179]. В США было напечатано более 2 млн копий итогового документа Думбартон-Оукс, которые впоследствии обсуждались в общенациональном масштабе [82, р. 168].

Таким образом, безусловно, стоит согласиться с авторами, сделавшими вывод о существенном вкладе встречи в Думбартон-Оукс в будущую модель ООН. Но представляется необъективным считать эти переговоры решающими для определения правового статуса ООН. Создание этой организации, как сложный и дели-

катный процесс, определенно растянуто во времени. Помимо обозначенных в настоящей статье вех, вспомним, что вопросы будущей универсальной организации обсуждались во время двух визитов У. Черчилля в Москву (1942, 1944 гг.), визита В.М. Молотова в Вашингтон (1942 г.), в Каире и Тегеране (1943 г.), а также в постоянной дипломатической переписке СССР, США и Великобритании (1941–1945 гг.).

Стоит согласиться с мнением С. Плохия, что «... до Ялты ООН все еще была под большим сомнением...» [83, р. 444]. Именно на Ялтинской конференции были подведены итоги всей предварительной работы по созданию ООН и принято итоговое решение, ознаменовавшее новую эпоху международно-правовых отношений в едином мировом пространстве суверенных равных государств.

Создание ООН признавалось советской стороной ключевым вопросом на Ялтинской конференции. В общем Коммюнике Крымской (Ялтинской) конференции три руководителя государств-союзников заявили: «Мы решили в ближайшее время учредить совместно с нашими союзниками всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности ... Мы договорились, что 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско, в Соединенных Штатах, будет созвана Конференция Объединенных Наций для того, чтобы подготовить устав такой организации соответственно положениям, принятым во время официальных совещаний в Думбартон-Оуксе»³.

Новая универсальная организация означала для нашего государства равные возможности государств в решении вопросов мирового уровня и формирование эффективного международно-правового механизма сдерживания военной агрессии в будущем [81, р. 13]. Близкую позицию занимала американская делегация. Ф. Рузвельт считал создание ООН целью № 1 во внешней политике США: «Эта конференция означает конец односторонних действий, исключительных союзов, сфер влияния, системы равновесия сил и всех других способов, к которым прибегали на протяжении столетий и которые не имели успеха» [33, с. 188].

¹ Совместное коммюнике представителей СССР, США и Великобритании по итогам конференции в Думбартон-Оуксе (29 сентября 1944 г.) // Советский Союз на международных конференциях... Т. 3. С. 228.

² *Treaties and other international agreements of the United States of America, 1776-1949.* 1968. Washington, D.C., Dept. of State. V. 3 (1931-1945) P. III-X. Contents. URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans.php>.

³ *Crimea (Yalta) Conference, 1945.* Report signed at Yalta February 11, 1945 (conference at Malta and Yalta). P. 1008. URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000003-1005.pdf>.

Таким образом, СССР и США придерживались, по сути, единого плана, стержнем которого стала единая мировая организация, призванная заменить многочисленные сепаратные межгосударственные механизмы, направленные на обеспечение мира и международной безопасности.

Именно в Ялте рождение ООН стало состоявшимся фактом. В дальнейшем, конечно, продолжалось обсуждение деталей и политической борьбы за государственные преференции на новой глобальной политической площадке, но, как верно отметил О. К. Шевченко, это был уровень тактической, а не стратегической борьбы [48, с. 176–177].

Важным направлением в повестке Ялтинской конференции стало определение ключевых положений устава новой организации. Среди них первое – это создание таких предписаний, которые обеспечат сохранение длительного мира, невозможность новой мировой войны. По мнению И. В. Сталина, залогом должно стать единство трех держав – участников конференции, к которым следует прибавить Францию и Китай: «Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача»¹. Близкую идею позже высказал Ф. Рузвельт: «... не может быть среднего решения [по поводу создания ООН]... Мы должны взять на себя ответственность за международное сотрудничество или мы должны будем нести ответственность за мировой конфликт» [8, с. 507].

Триумvirат держав по-настоящему сложился именно во время Ялты-45. До этого, с 1941 г., США и Великобритания пытались закрепить за собой ведущую роль и не допускать иные государства. Во время подготовки Ялтинской конференции эта тенденция также прослеживается: ей предшествовала встреча министров иностранных дел Э. Идена и Э. Стеттиниуса на Мальте, во время которой были выра-

ботаны общие позиции США и Великобритании по всем вопросам, которые планировалось обсудить в Ялте [52, р. 127]. Имеющийся сговор западных держав вызывал озабоченность СССР по поводу того, что его интересы не будут учтены в будущей универсальной организации. Об этом, в частности, во время заседания говорил В. М. Молотов [9, с. 13–14].

Заметим, что на фоне очевидного политического единства США и Великобритании особенно впечатляющим выглядит результат Ялтинской конференции, согласно которому Советский Союз был включен в пул ведущих держав. Это кардинально поменяло политическое мироустройство: произошел отход от идеи мирового господства, характерной для геополитики XIX в. – довоенного XX в., к идее равного участия в управлении международно-правовыми отношениями. У. Черчилль в Ялте заострил внимание на том, «... что было бы нежелательно создавать впечатление, будто бы три державы хотят властвовать над всем миром»². И. В. Сталин развил эту мысль, несколько театрализованно показав абсурдность мирового господства в послевоенном мире: «Кто замышляет такое господство? Соединенные Штаты? Нет, они об этом не думают... Англия? Тоже нет... Значит, СССР стремится к мировому господству?.. Или, может быть, Китай?.. Ясно, что разговоры о стремлении к мировому господству ни к чему. Мой друг Черчилль не сможет назвать ни одной державы, которая хотела бы властвовать над миром»³.

Таким образом, при сохранении общего подхода, выработанного еще во времена Вестфальского мира, предполагающего наличие в международном праве великих держав, произошла его трансформация, предполагающая равный доступ к управлению миром, основанный, согласно позиции государств «Большой Тройки», «на единстве великих держав, их доверии к друг другу»⁴. Данные идеи были реализованы в декларации «Единство в организации мира, как и в ведении войны»⁵. Впоследствии это привело к формированию биполярного ми-

¹ Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств. 6 февраля 1945 г., 16 час., Ливадийский дворец // Советский Союз на международных конференциях Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) М.: Изд.-во полит. лит., 1979. С. 99.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 96, 122–123.

⁵ Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Коммюнике о Крымской конференции. 11 февраля 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях. Т. IV. С. 271.

ра – новой модели международного мироустройства, в котором ведущую роль стали играть США и СССР. Свершившееся изменение мирового политического расклада, как представляется, стало одной из причин необъективного взгляда на Ялту-1945.

На данном этапе исследования представляется логичным показать вклад Ялты в формирование первоначального состава ООН. Этот вопрос обсуждался в Думбартон-Оукс, но по нему не было принято окончательного решения. В меморандуме СССР, подготовленном для встречи в Думбартон-Оукс, предлагалось учредителями универсальной организации признать те государства, которые подписали Декларацию Объединенных Наций (1942 г.) либо присоединились к ней позже¹. Это не вызывало возражений со стороны Великобритании и США. Такой вариант соответствовал принципу справедливого представительства, по словам У. Черчилля, «ведущих и малых государств», давал возможность для свободной межгосударственной дискуссии в новой организации [9, с. 484; 14, с. 340]. Тем не менее данное решение не учитывало всех интересов участников «Большой Тройки»: у каждого из них были опасения по поводу сохранения международно-политического баланса в голосовании между членами Британского содружества наций, которые должны были стать полноправными участниками в будущей ООН; зависимых от США латиноамериканских стран; СССР, который пока не имел внушительного списка союзников. По факту речь шла о возможности предоставления державам-учредителям более одного голоса в ассамблее – межгосударственном форуме, решения которого не имели обязательного характера.

В Думбартон-Оукс советская сторона выступила с предложением дать всем советским республикам право стать учредителем международной организации. В Ялте это предложение было откорректировано и в числе учредителей ООН, с правом самостоятельного участия в Генеральной ассамблее, СССР предложил включить Украину, Белоруссию и Литву: «Названные республики понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями,

на которые вторглись немцы» [39, с. 112–113]. Политико-правовым основанием для этого предложения стало признание самостоятельной субъектности в будущей организации всех государств Британского содружества наций, которые по факту придерживались общей внешней политики, диктуемой из Лондона. Соответственно, как полагал СССР, ему – федеративному государству с широкой автономией союзных республик тоже может быть предоставлено более одного места в ГА ООН. В конечном итоге было решено, что на учредительной конференции будет представлен только СССР, но в работе новой организации с первого дня ее работы смогут принять участие Украина и Белоруссия [32, с. 182].

Принятые на Ялтинской конференции решения по поводу ООН обусловили еще одно важное нововведение для международно-правового порядка: создание разветвленной системы международных органов и организаций, генетически связанных с ООН. Дискуссия между государствами-учредителями (1941–1945 гг.) о компетенции новой универсальной организации закончилась признанием поддержания международного мира и безопасности в качестве ее основной цели. При этом вопросы социально-экономического, культурного и т. п. сотрудничества не были исключены из повестки. По мнению советского правительства, как это следует из меморандума, подготовленного для встречи в Думбартон-Оуксе, «... для такого рода деятельности может быть создана отдельная международная организация ... или несколько организаций, охватывающих различные области международного сотрудничества. Такие организации могли бы действовать отдельно от организации международной безопасности, посвятившей себя всецело интересам охраны всеобщего мира и безопасности народов»². В Ялте соответствующий диалог имел продолжение. В результате уже в послевоенное время сложились новые международно-правовые формы межгосударственного сотрудничества (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, миротворческие операции и т. д.).

¹ Меморандум правительства СССР о Международной организации безопасности. 12 августа 1944 г. // Советский Союз на международных конференциях. Т. 3. С. 95–102.

² Советский Союз на международных конференциях. Т. 3. С. 96.

Формирование механизма международно-правового управления, предполагающего обязательность решений Совета Безопасности ООН для всех государств системы ООН

О том, что в ходе Ялтинской конференции были окончательно согласованы полномочия и порядок принятия решений СБ ООН, написано, пожалуй, во всех исследованиях, связанных с историей становления ООН и /или с Крымской (Ялтинской) конференцией 1945 г.

Обсуждение этого вопроса, реплики и пояснения участников тщательно проанализированы, и им дана серьезная историко-политическая и правовая оценка. Но все-таки не представляется возможным оставить без внимания этот вопрос в настоящей статье, поскольку предложенная в ходе подготовки ООН модель Совета Безопасности, а также место данного органа в нарождающейся международно-правовой системе – все это стало новым словом в теории и практике международно-правовых отношений.

Идея органа, управляющего мировыми процессами, была разработана Лео (Львом) Пасвольским – ответственным сотрудником Госдепартамента США, постреволюционным эмигрантом из России. Он работал над проектом Устава ООН с конца 1939 г., особенно плотно в период 1942–1944 гг. Именно ему принадлежит идея разделения полномочий между основными органами ООН: для Совета Безопасности – это сфера безопасности и поддержания мира; для ЭКОСОС – это социально-экономическая сфера, вопросы культуры, образования, здравоохранения [59].

Л. Пасвольский предложил выделить в СБ ООН группу государств, наделенных специфическими правами: иметь статус постоянных членов, обладать правом вето и санкционировать применение силы в отношении субъектов, представляющих угрозу для международного мира и безопасности [88, pp. 49–55].

В декабре 1944 г. США направили СССР и Великобритании окончательные предложения по организации СБ ООН и порядку принятия им решений. Эти предложения стали основой для обсуждения на Ялтинской конференции. В них устанавливалось следующее:

1) каждый член Совета Безопасности имеет один голос;

2) решения Совета Безопасности по вопросам процедуры принимаются большинством в семь голосов членов;

3) решения Совета Безопасности по всем другим вопросам принимаются большинством в семь голосов членов, включая совпадающие голоса постоянных членов, причем сторона, участвующая в споре, воздерживается от голосования. При этом государство, не являющееся постоянным членом, вправе принять участие в обсуждении касающегося его вопроса и свободно изложить свою точку зрения¹.

Согласно позиции правительства США, в этом их предложении была решена задача урегулирования двух главных элементов новой организации международной безопасности: единогласие среди постоянных членов и справедливость для всех членов организации².

Указанная модель СБ ООН была согласована лидерами государств-участников Ялтинской конференции. Таким образом, в итоговом варианте правового статуса СБ ООН были учтены две базовые идеи новой универсальной международной организации – невозможность использования ее власти (по словам У. Черчилля³) против государств-учредителей и сбалансированное участие государств-учредителей в управлении международными отношениями, равный доступ к выработке важнейших решений, относящихся «к сохранению мира, включая все экономические и военные принудительные меры»⁴.

Предложенная модель СБ ООН органично дополняла уже сложившуюся систему международно-правовых отношений, в которой главным механизмом урегулирования межгосударственных разногласий признавалось дипломатическое общение в различных формах. Кроме того, в качестве дополнительного механизма сохранялось общественное мнение как фактор влияния на государство, которое нарушает международное право⁵.

¹ *The Yalta Conference*. February, 4-11, 1945. Third Plenary Meeting. February, 6, 1945. 4 P.M. Livadia Palace. Pp. 660–686, 664, 666–670. URL: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1945/reference/frus.frus1945.i0012.pdf>.

² *Ibid.* P. 666.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* Pp. 660–686, 664.

⁵ *Крымская конференция*. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств... Т. IV. С. 96.

Согласованная модель СБ ООН, без принципиальных изменений, была утверждена на конференции в Сан-Франциско (апрель-июнь 1945 г.), учредившей ООН и принявшей Устав ООН (ст. 27 Устава ООН).

Однако уже с 1947 г. рядом государств на ежегодных сессиях ГА ООН предпринимаются системные попытки пересмотреть порядок принятия решений в СБ ООН, в частности предлагалось подвергнуть ревизии право вето постоянных членов СБ ООН¹.

В соответствии со статьей 109 Устава ООН, для пересмотра положений Устава требуется:

– решение ГА ООН (с 1955 г. – простое большинство голосов членов Генеральной Ассамблеи и голоса любых семи членов Совета Безопасности) о созыве Генеральной конференции членов ООН;

– рекомендация, поддержанная двумя третями всех голосов участников Конференции, об изменении Устава ООН;

– ратификация в соответствии с конституционной процедурой, двумя третями членов Организации, включая всех постоянных членов Совета Безопасности.

Во всех отчетах ГА ООН подчеркивалось, что необходима благоприятная международная политическая обстановка для пересмотра Устава, без чего представляется проблематичным рассчитывать на эффективный результат работы Конференции². Как показывают протоколы заседаний Комитета по подготовке Конференции по пересмотру Устава ООН, дискуссии о созыве Генеральной конференции были достаточно жесткими и демонстрировали отсутствие общемирового консенсуса о целесообразности такой конференции и внесения изменений в Устав ООН³. В итоге за более чем десятилетний период обсуждения этого вопроса (1947–1959 гг.) государства так и не при-

шли к компромиссу. Вопрос об использовании права вето в СБ ООН не получил иного правового закрепления, кроме того, которое уже содержалось в статье 27 Устава ООН.

С 1959 г. изменяется вектор дискуссии на ГА ООН по вопросам организации работы СБ ООН. Возможно, осознание бесперспективности предпринимаемых попыток пересмотреть исключительные полномочия постоянных членов Совета Безопасности помогло перевести дискуссии о роли СБ ООН как органа, отвечающего за международный мир и безопасность, в более конструктивную плоскость.

К 1959 г. количество государств – участников ООН, во многом благодаря успешной антиколониальной и освободительной борьбе, увеличилось по сравнению с 1945 г. более чем вдвое – с 51 до 111. В связи с этим порядок формирования главных органов ООН, предусмотренный Уставом, перестал отвечать принципу справедливого представительства всех государств-участников. Молодые независимые государства Африки и Азии, как суверенные и равноправные члены ООН, поставили перед ГА ООН вопрос о допуске их к работе СБ ООН, ЭКОСОС, МС ООН⁴.

Эта инициатива была поддержана большинством государств. Как заявил Н.Т. Федоренко, постоянный представитель СССР при ООН и представитель СССР в СБ ООН (1963–1968), ООН «...должна правильно учитывать и отражать в своей работе интересы реально существующих сегодня в мире групп государств, а не превращаться в оторванный от жизни консервативный орган»⁵.

На восемнадцатой сессии (1963 г.), в соответствии со статьей 108 Устава, ГА ООН приняла поправки к статье 27 Устава об увеличении числа непостоянных членов СБ ООН до десяти и распределении мест с учетом гео-

¹ См.: Резолюция 117 (II) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 1947 г. Дос. A/RES/117 (II); Резолюция 992 (X) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 1955 г. Дос. A/RES/992 (X); Резолюция 1136 (XII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 октября 1957 г. Дос. A/RES/1136 (XII); Резолюция 1670 (XVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1961 г. Дос. A/RES/1670 (XVI).

² *Продолжение* обсуждения вопроса о пользовании правом вето. Дос. A/PV.123. 1947. Nov. 21. Art. 116.

³ *Предложение* о созыве Генеральной конференции членов Организации Объединенных Наций с целью пересмотра Устава (статья 109 Устава) (окончание). Дос. A/PV.547. 21 ноября 1955 г.

⁴ *Организация* Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Четырнадцатая сессия. Официальные отчеты. 841-е Пленарное заседание. Дос. A/4256. 20 ноября 1959 г. Пункты 19, 20 и 21 повестки дня.

⁵ Пункты 81, 82 и 12 повестки дня. Вопрос о составе Генерального комитета Генеральной Ассамблеи Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и в Экономическом и Социальном Совете. Доклад Экономического и Социального Совета (глава XIII, раздел VI) (продолжение). Доклад специального политического комитета. Дос. A/5675.

графического фактора¹. 31 августа 1965 г. поправки вступили в силу, и с 1 января 1966 г. СБ ООН стал формироваться уже по обновленным правилам².

Таким образом, за прошедшие почти 75 лет после своего создания СБ ООН, за исключением показателя роста числа непостоянных членов, не претерпел формально-правовых изменений. Решения Ялты, касающиеся этого органа, показали свою продуктивность и жизнеспособность. Учитывая, что, по замыслу «Большой Тройки», предложенная ими модель ООН предполагалась быть фактором международно-правового управления на ближайшие 50 лет³, можно констатировать успешность согласованной странами-учредителями модели ООН и ее главных органов. Вышесказанное не означает беспроблемность и идеальность современной модели СБ ООН. Как и ранее, деятельность СБ ООН и сейчас подвергается критике. В XXI веке актуальной темой в повестке ООН остается реформа, предполагающая, прежде всего, расширение числа постоянных членов этого органа [50].

Очевидно, что за все годы Совет Безопасности развивался, менял стиль работы, по-разному расставлял акценты и определял новые приоритетные направления своей деятельности. Это было вызвано необходимостью адаптации ООН и ее органов к новой международной политико-правовой реальности. Один из авторов настоящей статьи несколько лет назад уже обращался к этой теме и анализировал современное состояние и перспективы СБ ООН как органа, отвечающего за международный мир и безопасность в контексте международно-правовой борьбы с терроризмом [46].

Назовем наиболее значимые тенденции в деятельности СБ ООН.

Во-первых, на рубеже XX–XXI вв., в связи с окончанием «холодной войны», ростом участия негосударственных субъектов в международных отношениях, активизацией междуна-

родного террористического движения, отмечается расширение круга вопросов, на которые реагирует СБ ООН как на ситуации, угрожающие международному миру и безопасности (ст. 39 Устава ООН). Помимо традиционных международных вооруженных конфликтов таковыми стали считаться террористические акты, защита прав человека, доставка гуманитарной помощи, рост беженцев, распространение и незаконный оборот наркотиков и любых видов вооружений, экологические катастрофы и т. п. [57, р. 921].

Во-вторых, обращает на себя внимание постепенный отказ СБ ООН от реагирования только на «международные» угрозы, в поле зрения все чаще попадают «чисто» внутригосударственные ситуации, как, например, это было с осуждением со стороны СБ ООН теракта в Беслане (2004 г.) [55, р. 889].

В третьих, направленность деятельности СБ ООН сегодня – развитие правотворческих полномочий, реализуемых посредством принятия обязательных для исполнения всеми государствами-членами ООН резолюций, принятых для поддержания международного мира и безопасности (ст. 25, 39, 48 Устава ООН) [4, с. 227–228; 72, pp. 366–367, 369]. В отличие от сложившейся ранее практики, с 90-х гг. XX в. нормотворческие полномочия СБ ООН претерпели трансформацию: от рассмотрения частных конфликтов и ситуаций СБ ООН перешел к системному рассмотрению вопросов *общего характера* и стал принимать резолюции, устраняющие пробелы в международном праве и обязывающие все государства к определенному поведению [51, р. 310; 92, р. 41]. Примерами являются: резолюция СБ ООН 1566 (2004), раскрывающая содержание понятия «террористическое преступление»⁴, резолюция СБ ООН 1540 (2004), обязывающая государства принимать меры по нераспространению ядерного, химического, биологического оружия⁵.

¹ Резолюция 1991 А (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1963 г. Doc. A/RES/1991 (XVII).

² Резолюция 2046 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1965 г. Doc. A/RES/2046 (XX).

³ Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств... Т. IV. С. 88.

⁴ Резолюция 1566 (2004) Совета Безопасности ООН от 8 октября 2004 г. Doc. S/RES/1566.

⁵ Резолюция 1540 (2004) Совета Безопасности ООН от 28 апреля 2004 г. Doc. S/RES/1540.

*Вклад Ялтинской конференции
в формирование современного права
международной безопасности,
международного уголовного права,
международного гуманитарного права*

Становление современной системы международного права шло в течение длительного периода. Некоторые отрасли, например международное морское право, дипломатическое право, начали оформляться еще на рубеже XVIII–XIX вв. [38, с. 24; 43, с. 30]. Обычаи и правила ведения военных действий (международное гуманитарное право), предписания которых системно действовали уже в последние десятилетия XIX в. [29, с. 44–46, 48–51], тем не менее приобрели современное международно-правовое содержание тоже лишь в послевоенное время, после принятия четырех Женевских конвенций 1949 г. [1, с. 45–55].

Отрасли международного права, которые связаны с обеспечением безопасности, правами человека, привлечением к международной уголовной ответственности, стали самостоятельными после окончания Второй мировой войны [7, с. 14; 19]. По мнению С.Р. Силвербурга, качественные и количественные изменения в сфере вооруженных конфликтов повлияли на развитие международно-правовых институтов, призванных снизить степень конфронтации: «...в основе вопроса [примирения соперников] лежит роль международного права в обеспечении стимула для решения этих вопросов, связанных с конкурирующими интересами» [90, р. 738].

До начала XX в. основным способом обеспечения государственной безопасности было применение силы или угрозы силой. Первым шагом к формированию универсальных предписаний по различным аспектам международной безопасности (в самом широком смысле этого термина) стало принятие Гаагских конвенций 1899 г. и 1907 г., заложивших международно-правовой фундамент сотрудничества государств в этой сфере [71, р. 115]. Лига Наций разработала и частично реализовала международно-правовые механизмы по разрешению территориальных споров, защите прав национальных меньшинств, предприняла попытки нормативно закрепить определение понятия агрессии и установить запретительные нормы

для военных действий [79, pp. 27–59]. Усилия Лиги Наций оказались неуспешными в предотвращении Второй мировой войны. Поэтому не удивительно, что представители стран-союзников при обсуждении вопросов будущего мироустройства уделяли серьезное внимание вопросам международной безопасности, международно-правовым механизмам недопущения нового мирового военного конфликта.

Вопросы международной безопасности, вооруженных конфликтов, привлечения к международной уголовной ответственности военных преступников обсуждались в ходе Ялтинской конференции. Можно сказать, все эти вопросы, в конечном счете, ориентированы на обеспечение международного мира и безопасности – базовой цели создания ООН.

Все ялтинские решения, связанные с созданием новой модели международной безопасности, исходили из основных принципов международного права [34, с. 33; 36, с. 526–545]. В тот исторический период они еще не имели четкого оформления.

Важным с точки зрения дальнейшего развития международного права признается положение, изложенное в итоговом документе Ялтинской конференции о «необходимости сотрудничества и взаимопонимания ... между всеми миролюбивыми народами», как условие достижения «высшего стремления человечества – прочного и длительного мира»¹. По мнению инициаторов создания ООН, это предписание в будущем должно было стать гарантией всеобщего мира и безопасности [24, с. 104]. В дальнейшем принцип сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности был закреплен в пункте 1 статьи 11 Устава ООН.

В ходе встреч и переговоров в Москве, Тегеране, Думбартон-Оукс, Ялте (1943–1945 гг.) государства-участники антигитлеровской коалиции акцентировали внимание на базовом характере ряда международно-правовых предписаний: *суверенного равенства* всех членов новой организации, *невмешательства во внутренние дела, уважения суверенитета, признания права наций на самоопределение*². Принципы

¹ Коммюнике о Крымской конференции // Советский Союз на международных конференциях. Т. IV. С. 270.

² Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств... С. 92.

пы суверенного равенства и признание права на самоопределение нашли свое воплощение в Уставе ООН (ст. 1, 2, 55, 78).

Процесс принятия всеми государствами-членами ООН системы принципов международного права потребовал четверть века. На юбилейной XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1970 г.) была принята Декларация о принципах международного права, которая не только подтвердила принципы, но и, по словам И. И. Лукашука, «раскрыла их содержание, которое стало ядром современного международного права» [28, с. 29].

Идея международной безопасности, как основополагающая для ООН, пронизывает большинство положений Устава ООН. Д. Плеш считает, что в центре внимания ялтинской дискуссии была защита будущих поколений от глобальных войн [81, р. 9]. Предложенная в ходе обсуждения модель универсальной организации строилась так, чтобы предотвратить масштабные вооруженные конфликты между государствами, минимизировать потенциальный ущерб, если не удалось избежать конфликта. Именно этим обуславливается ведущая роль СБ ООН как органа, на который была возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности (п. 1 ст. 24 Устава ООН). По мнению Д.И. Фельдмана, запрет силового вмешательства, не санкционированного СБ ООН, не только стал моральным императивом нового международного права, но и послужил своеобразным водоразделом «между новым и старым международным правом» [44, с. 105].

Отметим, что создание системы универсальной международной безопасности, ставшей одним из важнейших достижений Ялтинского форума, проходило «опытным путем», в условиях, практически не имеющих аналогов в предыдущие времена (хотя неправильно отрицать, что при этом не учитывалась практика работы Лиги Наций, ее правовые ошибки и пробелы). Так, например, в отличие от Устава Лиги Наций, слабость которого заключалась в том, что им почти совсем не предусматривалось практических мероприятий по разрешению международных споров, Устав ООН содержит специальные положения о предотвращении применения силы и о коллективных действиях против агрессоров (гл. VII). По этому поводу предста-

витель Боливии Г. Кирога-Галдо (1955 г.) высказался: «Устав нашей Организации является не просто клочком бумаги, как это, к сожалению, было с Пактом Лиги. Теперь в нашем распоряжении имеется система положений, возникших в результате твердой решимости применять их на практике, если это будет необходимо»¹.

В Ялте-1945 обсуждался один из сложнейших вопросов международно-правовой безопасности: запрет агрессии и агрессивной войны как полномочие новой универсальной организации. Первоначально союзники не имели единого мнения. Заместитель министра иностранных дел Великобритании сэр А. Кадоган возражал против включения в Устав ООН терминов «агрессия», «агрессор», так как это «способно в будущем вызвать сомнения и неопределенность» [94, pp. 708–709]. Советская делегация возражала против такого подхода, указывая, что в обязанности новой организации должно входить установление виновной стороны (агрессора) в развязывании каждого конкретного вооруженного конфликта [8, с. 571].

В результате нормы о борьбе с агрессией нашли свое закрепление в Уставе ООН: подавление агрессии названо, среди прочего, целью ООН (п. 1 ст. 1 Устава); все члены ООН обязаны воздерживаться от угрозы силой или ее применения (п. 4 ст. 2 Устава); СБ ООН уполномочен определять акты агрессии (гл. VII, ст. 39, п. 1 ст. 53 Устава). Юридическое согласование термина «агрессия» было оформлено путем принятия в 1974 г. резолюции ГА ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии», в которой она была признана «наиболее серьезной и опасной формой незаконного применения силы» и определена как «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций»². Продолжительное время этот документ оставался единственным международно-

¹ Doc. A/PV.547. 21 ноября 1955 года, 10 ч. 30 м. Нью-Йорк. Пункт 55 повестки дня. Предложение о созыве Генеральной конференции членов Организации Объединенных Наций с целью пересмотра Устава (статья 109 Устава) (окончание). П. 30.

² Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. Doc. A/RES/3314 (XXIX).

правовым актом по данному вопросу, положения которого признаются авторитетным международно-правовым обычаем [78, р. 190].

В статье 6 Римского статута Международного уголовного суда (МУС) агрессия была названа преступлением, подпадающим под юрисдикцию суда, однако осуществление юрисдикции было отложено до согласования государствами-участниками МУС определения термина¹. Оно было согласовано на конференции МУС в Кампале в 2010 г. и вступило в силу с 17 июля 2018 г.². Определение МУС прямо отсылает к резолюции ГА ООН 3314 (XXIX) и содержательно повторяет ее в части вариантов акта агрессии.

Еще одним аспектом международно-правовой безопасности в Ялте стал вопрос о создании коллективных вооруженных сил ООН. Эта тема имеет длительную историю разработки. Прообраз Военно-штабного комитета ООН был заявлен уже в первых, еще довоенных, проектах универсальной организации, предложенных Л. Пасвольским. В дальнейшем на всех значимых встречах уточнялись детали взаимодействия государств «в деле поддержания мира и международной безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими...» (ст. 47 Устава ООН). Именно в Ялте по общему решению всех трех держав было принято окончательное решение об исключительном национальном характере использования военно-воздушных сил³. По мнению И.И. Лукашука, механизм принятия решений по координации военных усилий, созданный решениями Ялты, был «весьма эффективен» [27, с. 91–92]. Действительно, с 1948 г. в ООН результативными были миротворческие инициативы, которые поддержаны представителями более чем 130 стран – членами ООН [95].

Тесную связь с вопросами обеспечения международно-правовой безопасности имеют решения Ялтинской конференции, связанные с уголовным преследованием нацистов и уста-

новлением новых предписаний в международном уголовном праве. Этой теме было посвящено почти все заседание глав государств-союзников, состоявшееся во второй половине дня 6 февраля 1945 г.⁴ Такое повышенное внимание, как представляется, подтверждает, что участники конференции осознавали значимость обсуждаемого вопроса для будущего универсального международно-правового управления.

Отметим, что все решения по этому поводу содержатся лишь в протоколах заседаний и не попали в итоговые документы Ялтинской конференции. Причины этого были озвучены У. Черчиллем: во-первых, были веские опасения, что обнародование информации может негативно сказаться на судьбе «союзных военнопленных»; во-вторых, знание о предстоящей судебной процедуре даст преступникам шанс уйти от ответственности.

Назовем основные решения, связанные с будущим Международным военным трибуналом (МВТ), принятые в Ялте:

– согласован принцип предания международному суду военных преступников «нацистской Германии и бывших государств – сателлитов оси в Европе»⁵. Таким образом, было положено начало совершенно новому для международного права механизму – привлечению физических лиц к международно-правовой ответственности за особо тяжкие преступления и заложены основы международной уголовной юстиции [11, с. 128];

– согласовано, что военнопленные, которые ранее, по нормам международного гуманитарного права, не могли предаваться судебной процедуре *a priori* за свои поступки во время военных действий [96, р. 42], должны быть судимы за военные преступления;

– согласован принцип определения подведомственности военных преступлений. Осуждению в МВТ подлежали преступники, деяния которых не были связаны с определенным географическим местом (главные преступники). Такой подход, по мнению У. Черчилля, обеспечит объективность процесса и покажет «изоляцию [этих лиц] от всего народа»;

– решено, что процесс против главных военных преступников должен иметь не только

¹ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. UN Doc. A/CONF.183/9.

² Конференция по обзору Римского статута Международного уголовного суда. Кампала, 31 мая – 11 июня 2010 г. Официальные отчеты. Резолюция RC/Res.6.

³ Запись заседания глав правительств. 08.02.1945 // Советский Союз на международных конференциях. Т. 4. С. 136–138.

⁴ Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств... С. 182–184.

⁵ Коммюнике о Крымской конференции.

юридический, но и политический характер. По мнению Ф. Хирша и К.С. Примела, таким образом реализовалась компромиссная идея, сочетающая в себе юридический принцип верховенства права в судебном разбирательстве и «миссионерский» этический подход, в основе которого лежало осуждение нацизма и фашизма [70, pp. 4–5; 84, pp. 2–3, 57–59, 98–99].

В ходе обсуждения в Ялте союзники не стали конкретизировать правовой статус будущего МВТ и подсудные ему преступления. Это было сделано в ходе Лондонской конференции, по результатам которой 8 августа 1945 г. было подписано четырехстороннее (Великобритания, СССР, США, Франция) Соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «оси» и Устав МВТ, в котором были определены основные принципы международного уголовного правосудия, в т. ч. и конкретизированы виды международных преступлений. Е. Т. Усенко называл устав МВТ, как и предшествующие ему международно-правовые акты союзников в Тегеране, Ялте и Потсдаме, «не только частными случаями деятельности государств, но и развитием принципа ответственности за агрессию» [42, с. 213–214], что впоследствии получают свое логичное закрепление в Принципах международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в приговоре Трибунала, подтвержденных резолюцией ГА ООН (1946 г.)¹.

Последний вопрос, который требует разъяснения в рамках настоящей статьи, – это вклад Ялтинской конференции в развитие международного гуманитарного права. Ужасы Второй мировой войны, беспрецедентные жертвы на полях сражений и среди мирного населения не могли остаться без внимания союзников. Действовавшие в то время Женевские конвенции 1929 г. оказались недостаточными для полноценной защиты жертв вооруженных конфликтов (военнопленных, раненых и больных). Кроме того, в этих конвенциях практически отсутствовали предписания о защите гражданского населения, из-за чего, например, во время военных действий 1939–1945 гг. Международный комитет Красного Креста (МККК) призы-

вал воюющие стороны обращаться с населением как с военнопленными [25, с. 29].

В ходе Крымской конференции обсуждались различные практические аспекты сотрудничества союзников по репатриации, медицинскому обслуживанию, питанию интернированного населения и военнопленных, содержащихся в концлагерях, и допуск к ним МККК и представителей вооруженных сил. Именно во время переговоров в Ялте-1945 была выделена новая категория жертв войны – гражданское население².

Впоследствии эти договоренности были учтены МККК при подготовке новых Женевских конвенций, согласование которых началось уже в октябре 1945 г., а окончательное принятие состоялось на дипломатической конференции в Женеве в апреле–августе 1949 г. Все вопросы о защите военнопленных были кодифицированы в Женевской конвенции об обращении с военнопленными (Третья Женевская конвенция), а гражданские лица получили международно-правовую защиту по Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Четвертая Женевская конвенция).

Выводы

Ялтинская конференция оказала большое влияние на становление современного международного права, придала легитимный характер традиционным для международного сообщества принципам политического поведения, заложила правовые основы для новых значимых международно-правовых предписаний.

Ялтинская конференция может считаться событием переходного этапа, знаменующим окончание одной эпохи (прежде всего, это конец Второй мировой войны, а в более глубоком смысле – конец мирового устройства, созданного на основе решений Парижской конференции и Версальского договора 1919 г.) и начало новой, в которой важнейшее место в системе управления международно-правовыми отношениями будет занимать ООН. Многие решения, принятые в Ялте, так или иначе касались будущего международного правопорядка, а не только разрешения геополитических проблем последнего этапа Второй мировой войны. В этом

¹ Резолюция 95 (I) Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. Doc. A/RES/95 (I).

² Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств... С. 210–213.

аспекте Ялтинская конференция продолжила традицию, заложенную еще Вестфальским трактатом, традицию формирования международного права ведущими державами, претендующими на управление мировыми правоотношениями.

Отметим особенность технического оформления решений Ялты-1945. Все достигнутые соглашения не приобрели договорной формы и с международно-правовой точки зрения не могут считаться признанными источниками права. В данной статье показано, что это стало следствием формата конференции, специфики исторического этапа становления новой модели международного права. Государства-участники в ходе конференции решали практические насущные задачи, связанные с последним этапом Второй мировой войны и с необходимостью оформления нового формата глобального межгосударственного сотрудничества. Можно сказать, что в таких условиях новые основы международного права формировались опытным путем. В связи с этим представляется сложным ожидать в качестве результата Ялтинской конференции оформленные в соответствии с современными ожиданиями и обязательные для исполнения международно-правовые документы: для этого пока еще не были сформулированы правила, а новая модель международного права находилась на стадии становления.

В таких условиях особую значимость приобретают так называемый «дух Ялты» и принципиальные идеи, лежащие в основе итоговых документов конференции. Именно они определили вектор развития международного права на десятилетия и реализовались в последующих, уже обязательных для исполнения международно-правовых документах.

С другой стороны, это породило проблему интерпретации правового наследия Ялтинской конференции и создало почву для скептического отношения к нему в международно-правовой науке. Распространенная точка зрения о незначительности результатов Ялты-1945, думается, основана на недостаточно объективном взгляде на эту конференцию, на игнорировании важных правовых акцентов, заложенных в ее решениях.

Среди международно-правовых достижений Ялты назовем:

– окончательное согласование создания ООН как универсальной организации, отве-

чающей за мир и международную безопасность;

– создание совершенно нового механизма международно-правового управления – Совета Безопасности ООН;

– расширение системы источников международного права, в которую, помимо традиционных договоров и обычаев, также вошли решения органов новой универсальной организации (Совета Безопасности ООН и Генеральной Ассамблеи ООН);

– достижение принципиального согласия в том, что основу нового международного права составят принципы уважения государственного суверенитета, равенства государств в международных отношениях, невмешательства во внутренние дела государства;

– создание предпосылок для формирования новой системы международного права в части появления в ней впоследствии таких отраслей, как международное гуманитарное право, право международной безопасности, международное уголовное право;

– итоговые решения Ялтинской конференции существенно повлияли на создание предписаний, которые впоследствии стали международными стандартами прав человека в части признания противоправности актов агрессии и насилия, защиты гражданского населения нормами международного права.

Заключение

Международно-правовая наука утверждает, что истоки холодной войны (противостояние СССР и США) заложены в решениях Ялтинской конференции: включение СССР в систему ведущих государств мира повлекло за собой формирование биполярного мира, гонку вооружений, политическое противостояние держав, выбравших различные пути политического развития [28, с. 29; 53; 66, р. 401]. С этим согласиться нельзя. Наоборот, Ялтинская конференция, среди многих международно-правовых событий XX века, стала наиболее ярким примером эффективного и конструктивного сотрудничества союзников – представителей различных формаций. Важно, что Великобритания, СССР и США смогли договориться и создать ООН и механизм недопущения новой мировой войны, что определяет геополитический климат на планете уже более 75 лет.

Библиографический список

1. *Алешин В. В.* Методологические и правовые вопросы международного права вооруженных конфликтов // *Международное право и международные организации.* 2010. № 3.
2. Архивные документы о подготовке ялтинской конференции 1945 года. Крым. Ялта. 1945. URL: <http://yalta-conf1945.mil.ru/>.
3. *Бабурин С. Н.* Ялтинские договоренности великих держав в 1945 г. и их уроки для международного права // *Вестник Омского университета.* Серия «Право». 2015. № 2(43). С. 54–57.
4. *Бекяшев К. А.* Международное право: учебник. М.: Проспект, 2019. 1048 с.
5. *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории: мемуары. 4-е изд. М.: *Международ. отношения,* 1987. 616 с.
6. *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны (1941–1945). М.: *Международ. отношения,* 1983. 288 с.
7. *Брылева Е. А.* От наказания к примирению: наступление на «индустрию борьбы с преступностью» // *Мировой судья.* 2018. № 1. С. 13–17.
8. *Великая Победа:* в 15 т. Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. М.: *Кучково поле,* 2014. 864 с.
9. *Великая Победа:* в 15 т. Т. 14: Умиротворение Европы. М.: *МГИМО-Университет,* 2015.
10. *Волков Ф. Д.* За кулисами второй мировой войны. М.: *Мысль,* 1985. 304 с.
11. *Вылегжанин А. Н., Скуратова А. Ю., Синякин И. И.* Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса (к 70-летию вынесения Приговора Нюрнбергского трибунала) // *Современное право.* 2017. № 1. С. 117–130.
12. *Громыко А. А.* ООН: история и современность. К 65-летию создания Организации Объединенных Наций // *Вестник Московского университета.* Сер. 25: *Международные отношения и мировая политика.* 2010. № 3. С. 4–26.
13. *Громыко А. А.* Памятное. М.: *Политиздат,* 1988. Кн.1. 479 с.
14. *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве / пер. с англ. М.: *Три квадрата,* 2004. 365 с.
15. *Зорькин В.* Апология Вестфальской системы // *Российская газета.* 2004. 13 июля.
16. *Искендеров П. А.* Берлинский конгресс 1878 г. и его политические последствия для Балкан // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2016. № 11. С. 103–108.
17. *Израэлян В. Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945) М.: *Международ. отношения,* 1985. 482 с.
18. *Каширина Т. В.* Конференция в Думбартон-Оксе в 1944 г. и ее влияние на развитие международных отношений в антигитлеровской коалиции // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2015. № 4. С. 79–82.
19. *Колобов О. А., Хохлышева О. О.* Система международной безопасности ООН и ее политико-правовое обеспечение // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2016. № 6. С. 125–129.
20. *Кортунов С. В.* Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности. М: *Изд. дом ГУ-ВШЭ,* 2008. 570 с.
21. *Крылов С. Б.* История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава ООН (1944–1945). М.: *Изд-во ИМО,* 1960. 343 с.
22. *Кузнецов Н. Г.* Ялта, февраль 1945 г. Из воспоминаний участника Крымской конференции // *Новое время.* 1970. № 6. С. 24–28.
23. *Кузнецовский В. Д.* Ялта Сталина и Рузвельта и Вестфальская система // *Вестник МГУКИ.* 2011. 3 (41). С. 70–77.
24. *Курс международного права:* в 7 т. / Ю. А. Баскин, Н. Б. Крылов, Д. Б. Левин и др. М.: *Наука,* 1989. Т. 1. 360 с.
25. *Логвиненко О. І.* Розвиток міжнародного гуманітарного права в контексті рішень Кримської конференції 1945 р. // *Крымская конференция 1945 г.: актуальные вопросы истории, права, социологии, политологии, культурологи, философии: материалы междунар. науч. конф. «Ялта-45».* Симферополь: *электрон. изд. К.О.Ш.,* 2013. 152 с.
26. *Лукашук И. И.* Возникновение и становление международного права // *Вестник Киевского университета.* Серия: *Международные отношения и международное право.* 1984. № 18. С. 25–32.
27. *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть: учебник для студ. юрид. фак. и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: *Волтерс Клувер,* 2005. 415 с.

28. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. 218 с.
29. Мартенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874-1878 г. СПб., 1879. 608 с.
30. Международное право: учебник / под ред. Игнатенко Г. В., Тиунова О. В. М.: Норма, 2010. 758 с.
31. Мюнклер Г. Новые войны. О возвращении одной исторической модели // Логос. 2019. № 3. Т. 29. С. 181–216.
32. Новик Д. Г. Дискуссия о принципах формирования основополагающих структур ООН в процессе создания организации // Управленческое консультирование 2015. № 8 (80). С. 177–186.
33. Орлов А. С., Новоселов Б. Н. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история второй мировой войны. М.: Молодая гвардия, 1986. 239 с.
34. Орлова И. А. Развитие современной системы права международной безопасности // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 31–37.
35. Саямов Ю. Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3(27). С. 95–105.
36. Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Нормы *jus cogens*: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 526–545. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-526-545.
37. Сиполс В. Я., Чельшев И. А. Крымская конференция, 1945 год. М.: Международ. отношения, 1984. 93 с.
38. Скаридов А. С. Морское право. Учебник для магистров. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2020. 647 с.
39. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. 302 с.
40. Сосинский С. Б. Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М.: Междунар. отношения, 1970. 129 с.
41. Страницы истории ООН. URL: <https://www.un.org/ru/sections/history/history- united-nations>.
42. Усенко Е. Т. Очерки теории международного права. М.: Норма, 2008. 240 с.
43. Фархутдинов И. З. Война и мир в контексте международного права. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 25–33.
44. Фельдман Д., Барабанов О. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2007. № 3, т. 5. С. 104–113.
45. Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. М.: Науч. книга, 2014. 592 с.
46. Чернядьева Н. А. Роль Резолюций Совета Безопасности ООН в совершенствовании антитеррористического права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28). С. 176–184.
47. Черчилль У. С. Вторая мировая война: в 6 т. М.: Воениздат, 1991. Т. 4, кн. 2. 671 с.
48. Шевченко О. К. Историческая судьба русинов и вопрос об ООН на Крымской конференции 1945 г. (К вопросу об исторической методологии) // Русин. 2015. № 2 (40). С. 174–188.
49. Шевченко О. К. Триумф власти (советская историософия Ялтинской конференции). Брянск: БРОО «ЦИОГНИС», 2018. 238 с.
50. Щербаков Ю. В., Щербаков М. Ю. Позиции Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки по вопросу реформирования Организации Объединенных Наций: краткий сравнительный анализ // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2016. № 12 (30). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/4018>.
51. *Abi-Saab G.* The Proper Role of International Law in Combating Terrorism // Chinese Journal of International Law. 2002. № 1. Pp. 305–314.
52. Argonaut Conference. January-February 1945. Papers and Minutes of Meetings. Edited and Published by the Office, U.S. Secretary of the Combined Chiefs of Staff. 355 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945 Malta>.
53. *Bennett G.* What's the Context? 4 February 1945: the Yalta Conference opens. 4 February

2015. URL: <https://history.blog.gov.uk/2015/02/04/whats-the-context-4-february-1945-the-yalta>.

54. *Bergesen A. J., Lizardo O.* International Terrorism and the World-System // Sociological Theory. 2004. Vol. 22, № 1. Pp. 38–52.

55. *Bianchi A.* Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: The Quest for Legitimacy and Cohesion // The European Journal of International Law. 2006. Vol. 17, № 5. Pp. 881–919.

56. *Cassese A.* International Law. Oxford: Oxford University Press, 2005. 560 p.

57. *Consideration of the provisions of Chapter VII of the Charter (2000 – 2003) // Actions with Respect to Threats to the Peace, Breaches of the Peace, and Acts of Aggression. Repertoire of the Practice of the Security Council.* URL: https://www.un.org/en/sc/repertoire/2000-2003/00-03_11.pdf#page=5.

58. *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Provoked the Cold War. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2012. 533 p.

59. *Dr. Leo Pasvolosky of U. N. Fame; Economist, Ex-Aide at State Department Wrote Charter of World Organization // New York Times.* 1953. May 7. URL: <https://www.nytimes.com/1953/05/07/archives/dr-leo-pasvolosky-of-u-n-fai-ie-economist-exaide-at-state-department.html?sq=pasvolosky&scp=1&st=p>.

60. *Druzin B. H.* Why does Soft Law Have any Power Anyway? // Asian Journal of International Law. 2017. № 1. Pp. 361–378. DOI: 10.1017/S2044251316000229.

61. *Dykmann K.* On the Origins of the United Nations: When and How Did it Begin? // Journal of International Organizations Studies. 2012. № 3. Pp. 79–84.

62. *Farkhutdinov I.* The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 505 p.

63. *Fassbender B., Peters A.* Towards a Global History of International Law // The Oxford Handbook of the History of International Law. Ed. by Bardo Fassbender and Anne Peters. Oxford: Oxford University Press, 2013. 1272 p.

64. *Grewe W. G.* The Epochs of International Law. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. 802 p.

65. *Guzman A. T. and Meyer T. L.* International soft law // Journal of Legal Analysis. 2011. Vol. 2, № 1. Pp. 171–225.

66. *Harbutt F. J.* Yalta 1945: Europe and America at the crossroads. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 438 p.

67. *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. New York: Oxford University Press, 1994. 274 p.

68. *Higgins R.* The United Nations at 70 years: The impact upon international law // International and comparative law quarterly. Cambridge, 2016. Vol. 65, № 1. Pp. 1–19.

69. *Hilderbrand R. C.* Dumbarton Oaks: the origins of the United Nations and the search for postwar security. University of North Carolina Press. Chapel Hill. London, 1990. 320 p.

70. *Hirsch F.* Soviet judgment at Nuremberg: a new history of the international military tribunal after World War II. New York: Oxford University Press, 2020. 536 p.

71. *Hudson M. O.* Present Status of the Hague Conventions of 1899 and 1907 // The American Journal of International Law. 1931. Vol. 25. Pp. 114–117. DOI: 10.2307/2189634.

72. *Hurd I.* The UN Security Council and the International Rule of Law // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Vol. 7, № 3. Pp. 361–379.

73. *Kennedy D.* The Sources of International Law // American University International Law Review. 1987. № 1. Pp. 1–96.

74. *Mälksoo L.* Sources of International Law in the 19th Century. Insights from Practice and Theory // The Oxford Handbook on the Sources of International Law. OUP: J. d'Aspremont, S. Besson, 2017. Pp. 146–162.

75. *Mazower M.* No Enchanted Palace. The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. 203 p.

76. *McKeown A.* Periodizing Globalization // History Workshop J. 2007. № 63(1). Pp. 218–230.

77. *Meacham J.* Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York: Random House Trade Paperbacks, 2004. 512 p.

78. *O'Connell M. E., Niyazmatov M.* What is Aggression? Comparing the Jus ad Bellum and the ICC Statute // J. Int. Criminal Justice. 2012. № 10(1). Pp. 189–207.

79. *Ostrower G. B.* The League of Nations From 1919 to 1929 (Partners for Peace). Garden City Park. New York, 1996. 176 p.

80. *Peace Treaties and International Law in European History. From the Late Middle Ages to*

World War one. Ed. by Lesaffer R. Cambridge University Press, 2004. 488 p.

81. Plesch D. «America, Hitler and the UN» panel discussion at International Peace Institute. March 22, 2011. Transcription.

82. Plesch D. America, Hitler and the UN: How the Allies Won World War II and Forged A Peace. London: I. B. Tauris, 2011. 250 p. URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2011/03/pdfs_transcript-march22-america-hitler-un.pdf.

83. Plokhly S.I. Yalta: The Price of Peace. Penguin Books, 2011. 451 p.

84. Priemel K.C. The Betrayal: The Nuremberg Trials and German Divergence. Oxford: Oxford University Press, 2016. 496 p.

85. Reisman M. W. The Concept and Functions of Soft Law in International Politics // Essays in Honour of Judge Taslim Olawale Elias. 1992. Vol. I. Contemporary International Law and Human Rights. Pp. 101–145.

86. Renaut M.-H. Histoire du droit international public. Paris. Ellipses. Mise au point, 2007. 190 p.

87. Reynolds G. From World War to Cold War. Oxford University Press, 2006. 374 p.

88. Schlesinger S.C. Act Of Creation: The Founding of the United Nations: A Story of Superpowers, Secret Agents, Wartime Allies and Enemies, and Their Quest for a Peaceful World. Westview Press, 2004. 374 p.

89. Show M.N. International Law. Sixth edition. Cambridge University Press. The Edinburgh Building, Cambridge. UK. Published in the United States of America by Cambridge University Press, New York, 2008. 1710 p.

90. Silverburg S.R., Alshdaifat Sh. «Strategic Chaos»: The Role of International Law // Saudi Journal of Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 2, № 8. Pp. 736–743.

91. Simon H. The Myth of *Liberum Ius ad Bellum*: Justifying War in 19th-Century Legal Theory and Political Practice // The European Journal of International Law. 2018. Vol. 29, № 1. Pp. 113–136.

92. Stromseth J. The Security Council's Counter-Terrorism Role: Continuity and Innovation // American Society of International Law. 2003. № 97. Pp. 41–45.

93. Sunstein C. R. Political Conflict and Legal Agreement (December 1, 1994). The Tanner Lectures on Human Values, Delivered at Harvard University, November 29 and 30 and December 1,

1994. 113 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2544359>.

94. *The Diaries of Sir Alexander Cadogan*. O. M., 1938–1945. Cassell, 1971. G. P. Putnam's Sons; 1-st edition. 881 p.

95. United Nations Peacekeeping helps countries torn by conflict create conditions for lasting peace. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/what-is-peacekeeping>.

96. Werle G. Principles of International Criminal Law. Second Edition. T.M.C. Asser Press, 2009. 658 p.

References

1. Aleshin V. V. *Metodologicheskie i pravovye voprosy mezhdunarodnogo prava vooruzhennykh konfliktov* [Methodological and Legal Issues of International Law of Armed Conflicts]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii – International Law and International Organizations*. 2010. Issue 3. Pp. 45–55. (In Russ.).

2. Archival Documents on the Preparation of the 1945 Yalta Conference. Crimea. Yalta. 1945. Available at: <http://yalta-conf1945.mil.ru/>. (In Russ.).

3. Baburin S. N. *Yaltinskie dogovorennosti velikikh derzhav v 1945 g. i ikh uroki dlya mezhdunarodnogo prava* [The Yalta Agreements of the Great Powers in 1945 and Their Lessons for International Law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» – Herald of Omsk University. Series 'LAW'*. 2015. Issue 2 (43). Pp. 54–57. (In Russ.).

4. Bekyashev K. A. *Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik* [International Law: Textbook]. Moscow, 2019. 1048 p. (In Russ.).

5. Berezhev V. M. *Stranitsy diplomaticheskoy istorii: Memuary* [Chapters of Diplomatic History: Memoirs]. 4th ed. Moscow, 1987. 616 p. (In Russ.).

6. Borisov A. Yu. *SSSR i SShA: soyuzniki v gody voyny (1941-1945)* [The USSR and the USA: Allies During the War (1941-1945)]. Moscow, 1983. 288 p. (In Russ.).

7. Bryleva E. A. *Ot nakazaniya k primireniyu: nastuplenie na «industriyu bor'by s prestupnost'yu»* [From Punishment to Reconciliation: an Attack on the 'Crime Fighting Industry']. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 2018. Issue 1. Pp. 13–17. (In Russ.).

8. *Velikaya Pobeda: v 15 t.* [The Great Victory: in 15 vols.]. Vol. 8. *Vneshnyaya politika i diplomatiya Sovetskogo Soyuza v gody voyny* [For-

Foreign Policy and Diplomacy of the Soviet Union During the War]. Moscow, 2014. 864 p. (In Russ.).

9. *Velikaya Pobeda: v 15 t.* [The Great Victory: in 15 vols.]. Vol. 14. *Umirotvorenije Evropy* [The Pacification of Europe]. Moscow, 2015. 364 p. (In Russ.).

10. *Volkov F. D. Za kulisami vtoroy mirovoy voyny* [Behind the Scenes of World War II]. Moscow, 1985. 304 p. (In Russ.).

11. *Vylegzhanin A. N., Skuratova A. Yu., Sinyakin I. I. Sovremennoe mezhdunarodno-pravovoe znachenie Nyurnbergskogo protsesssa (k 70-letiyu vyneseniya Prigovora Nyurnbergskogo tribunala)* [Current International Legal Significance of the Nuremberg Trial (on the Occasion of the 70th Anniversary of the Nuremberg Tribunal Verdict)]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 2017. Issue 1. Pp. 117–130. (In Russ.).

12. *Gromyko A. A. OON: istoriya i sovremennost'. K 65-letiyu sozdaniya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy* [The UN: History and Modernity. On the occasion of the 65th Anniversary of the Establishment of the United Nations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika – Moscow University Bulletin of World Politics*. 2010. Issue 3. Pp. 4–26. (In Russ.).

13. *Gromyko A. A. Pamyatnoe* [The Memorable]. Moscow, 1988. Book 1. 479 p. (In Russ.).

14. *Dunn D. Mezhdru Ruzvel'tom i Stalinym. Amerikanskije posly v Moskve.* [Caught Between Roosevelt and Stalin. America's Ambassadors to Moscow]. Transl. from English. Moscow, 2004. 365 p. (In Russ.).

15. *Zor'kin V. Apologiya Vestfal'skoy sistemy* [An Apologia of the Westphalian System]. *Rossiyskaya gazeta – The Russian Gazette*. 2004. July 13. (In Russ.).

16. *Iskenderov P. A. Berlinskiy Kongress 1878 g. i ego politicheskie posledstviya dlya Balkan* [The Berlin Congress of 1878 and Its Political Consequences for the Balkans]. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii – Slavic World in the Third Millennium*. 2016. Vol. 11. Pp. 103–108. (In Russ.).

17. *Israelyan V. L. Diplomatiya v gody voyny (1941–1945)* [Diplomacy During the War (1941–1945)]. Moscow, 1985. 482 p. (In Russ.).

18. *Kashirina T. V. Konferentsiya v Dumbarton-Okse v 1944 g. i ee vliyanie na razvitie mezhdunarodnykh otnosheniy v antigitlerovskoy koalitsii* [Dumbarton-Oaks Conference in 1944 and

Its Influence on the Development of International Relations in the Anti-Hitler Coalition]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. 2015. Issue 4. Pp. 79–82. (In Russ.).

19. *Kolobov O. A., Khokhlysheva O. O. Sistema mezhdunarodnoy bezopasnosti OON i ee politiko-pravovoe obespechenie* [The UN International Security System and Its Political and Legal Support]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2016. Issue 6. Pp. 125–129. (In Russ.).

20. *Kortunov S. V. Sovremennaya vneshnyaya politika Rossii. Strategiya izbiratel'noy vovlechenosti* [Modern Foreign Policy of Russia. Selective Involvement Strategy]. Moscow, 2008. 570 p. (In Russ.).

21. *Krylov S. B. Istoriya sozdaniya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy. Razrabotka teksta Ustava OON (1944 - 1945)* [History of the United Nations Creation. Drafting of the Text of the UN Charter (1944–1945)]. Moscow, 1960. 343 p. (In Russ.).

22. *Kuznetsov N. G. Yalta, fevral' 1945 g. Iz vospominaniy uchastnika Krymskoy konferentsii* [Yalta, February 1945. From the Memoirs of a Participant of the Crimean Conference]. *Novoe vremya – The New Times*. 1970. Issue 6. Pp. 24–28. (In Russ.).

23. *Kuznechevskiy V. D. Yalta Stalina i Ruzvel'ta i Vestfal'skaya sistema* [Yalta of Stalin and Roosevelt and the Westphalian System]. *Vestnik MGUKI – Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2011. Issue 3 (41). Pp. 70–77. (In Russ.).

24. *Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t.* [The Course on International Law. In 7 vols.]. Authors: Yu. A. Baskin, N. B. Krylov, D. B. Levin et al. Moscow, 1989. Vol. 1. 360 p. (In Russ.).

25. *Logvinenko O. I. Rozvytyok mizhnarodnogo gumanitarnogo prava v konteksti rishen' Kryms'koi konferentsii' 1945 r.* [The Development of the International Humanitarian Law in a Context of Solutions of the Crimean Conference of 1945]. *Krymskaya konferentsiya 1945 g.: aktual'nye voprosy istorii, prava, sotsiologii, politologii, kul'turologii, filosofii / materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Yalta-45/13 (Simferopol', Ukraina 23-27 aprelya 2013 g.* [Yalta Conference, 1945: Actual Issues of History, Law Studies, Political Science, Culture Studies and Philosophy. Materials of the International Scientific Conference

Yalta-45/13 (Simferopol, Ukraine, April 23-27, 2013)]. Ed. by O. K. Shevchenko]. Simferopol, 2013. 152 p. (In Ukr.).

26. Lukashuk I. I. *Vozniknovenie i stanovlenie mezhdunarodnogo prava* [The Emergence and Formation of International Law]. *Vestnik Kievskogo universiteta. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo* – Bulletin of the University of Kyiv. Series International Relations and International Law. 1984. Issue 18. Pp. 25–32. (In Russ.).

27. Lukashuk I. I. *Mezhdunarodnoe pravo. Obshh. chast': uchebnik dlya studentov yurid. fakul'tov i vuzov* [International Law. General Part: Textbook for Students of Law Faculties and Universities]. Moscow, 2005. 415 p. (In Russ.).

28. Lukashuk I. I. *Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti* [The Law of International Responsibility]. Moscow, 2004. 218 p. (In Russ.).

29. Martens F. *Vostochnaya voyna i Bryussel'skaya konferentsiya. 1874-1878 g.* [The Eastern War and the Brussels Conference. 1874-1878]. St. Petersburg, 1879. 608 p. (In Russ.).

30. *Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik* [International Law: Textbook]. Ed. by G. V. Ignatenko, O. V. Tiunov. Moscow, 2010. 758 p. (In Russ.).

31. Münkler H. *Novye voyny. O vozvrashhenii odnoy istoricheskoy modeli* [The New Wars. On the Return of a Historical Model]. *Logos*. 2019. Vol. 29. Issue 3. Pp. 181–216. (In Russ.).

32. Novik D. G. *Diskussiya o printsipakh formirovaniya osnovopolagayushhikh struktur OON v protsesse sozdaniya organizatsii* [Discussion on the Principles of Forming the Fundamental UN Structures in the Process of Creating the Organization]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* – Administrative Consulting. 2015. Issue 8 (80). Pp. 177–186. (In Russ.).

33. Orlov A. S., Novoselov B. N. *Fakty protiv mifov: Podlinnaya i mnimaya istoriya vtoroy mirovoy voyny* [Facts Against Myths: The True and Imaginary History of the Second World War]. Moscow, 1986. 239 p. (In Russ.).

34. Orlova I. A. *Razvitie sovremennoy sistemy prava mezhdunarodnoy bezopasnosti* [Development of the Modern System of International Security Law]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* – Administrative Consulting. 2017. Issue 10. Pp. 31–37. (In Russ.).

35. Sayamov Yu. N. *Vestfal'skiy mir i ego printsipy vchera i segodnya* [The Westphalian

Peace and Its Principles Yesterday and Today]. *Vek globalizatsii – Age of Globalization*. 2018. Issue 3 (27). Pp. 95–105. (In Russ.).

36. Sinyakin I. I., Skuratova A. Yu. *Normy jus cogens: istoricheskiy aspekt i sovremennoe znachenie dlya mezhdunarodnogo prava* [Jus Cogens Norms: Historical Aspect and Current Significance for International Law]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 3 (41). Pp. 526–545. DOI 10.17072/1995-4190-2018-41-526-545. (In Russ.).

37. Sipols V. Ya., Chelyshev I. A. *Krymskaya konferentsiya, 1945 god* [Crimean Conference, 1945]. Moscow, 1984. 93 p. (In Russ.).

38. Skaridov A. S. *Morskoe pravo. Uchebnik dlya magistrrov*. [Maritime Law. Textbook for Master's Students]. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 2020. 647 p. (In Russ.).

39. *Sovetskiy Soyuz na mezhdunarodnykh konferentsiyakh perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The Soviet Union at International Conferences During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Vol. IV. *Krymskaya konferentsiya rukovoditeley trekh soyuznykh derzhav - SSSR, SShA i Velikobritanii (4–11 fevralya 1945 g.)* [Crimean Conference of the Leaders of the Three Allied Powers – the USSR, the United States of America and Great Britain (February 4-11, 1945)]. Moscow, 1984. 302 p. (In Russ.).

40. Sosinskiy S. B. *Aktsiya «Argonavt» (krymskaya konferentsiya i ee otsenka v SShA)* [Action “Argonaut” (Crimean Conference and Its Assessment in the USA)]. Moscow, 1970. 129 p. (In Russ.).

41. *Stranitsy istorii OON* [Chapters of the UN History]. Available at: <https://www.un.org/ru/sections/history/history-united-nations>. (In Russ.).

42. Usenko E. T. *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Essays on the Theory of International Law]. Moscow, 2008. 240 p. (In Russ.).

43. Farkhutdinov I. Z. *Voyna i mir v kontekste mezhdunarodnogo prava. Opyt doktrinal'nogo issledovaniya problem formirovaniya sovremennoy modeli mezhdunarodnykh otnosheniy v kontekste razvitiya mezhdunarodnogo prava* [War and Peace in the Context of International Law. An Attempt of Doctrinal Research of the Problems of the Formation of a Modern Model of International Relations in the Context of the Development of International Law]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Eurasian Law Journal. 2020. Issue 2 (141). Pp. 25–33. (In Russ.).

44. Fel'dman D., Barabanov O. *Esli Vestfal' i bolen, to etot bol'noy skoree zhiv, chem mertv...* [If Westphal Is Sick, Then This Patient Is Rather Alive Than Dead ...]. *Mezhdunarodnye protsessy. Zhurnal teorii mezhdunarodnykh otnosheniy i mirovoy politiki* – International Trends. Journal of International Relations Theory and World Politics. 2007. Vol. 5. Issue 3. Pp. 104–113. (In Russ.).
45. Chernichenko S. V. *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshhie voprosy* [The Contours of International Law. General Issues]. Moscow, 2014. 592 p. (In Russ.).
46. Chernyad'eva N. A. *Rol' Rezolyutsiy Soveta Bezopasnosti OON v sovershenstvovanii anti-terroristicheskogo prava* [The Role of the UN Security Council Resolutions in Improving the Anti-Terrorism Legislation]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. Issue 2 (28). Pp. 176–84. (In Russ.).
47. Churchill W. *Vtoraya mirovaya vojna. V 6 tomakh* [The Second World War. In 6 vols.]. Moscow, 1991. Book 2. Vol. 4. 671 p. (In Russ.).
48. Shevchenko O. K. *Istoricheskaya sud'ba rusinov i vopros ob OON na Krymskoy konferentsii 1945 g. (K voprosu ob istoricheskoy metodologii)* [The Historical Destiny of the Rusins and the Question on the UN at the Crimean Conference of 1945 (On the Question of Historical Methodology)]. *Rusin*. 2015. Issue 2 (40). Pp. 174–188. (In Russ.).
49. Shevchenko O. K. *Triumf vlasti (sovet-skaya istoriosofiya Yaltinskoy konferentsii)* [The Triumph of Power (Soviet Historiosophy of the Yalta Conference)]. Bryansk, 2018. 238 p. (In Russ.).
50. Shherbakov Yu. V., Shherbakov M. Yu. *Pozitsii Rossiyskoy Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki po voprosu reformirovaniya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy: kratkiy sravnitel'nyy analiz* [Positions of the Russian Federation and the United States of America on the Reform of the United Nations: A Brief Comparative Analysis]. *Universum: obshchestvennye nauki: elektronnyy nauchnyy zhurnal* – Universum: Social Sciences: Electronic Science Journal. 2016. Issue 12 (30). Available at: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/4018>. (In Russ.).
51. *Abi-Saab G.* The Proper Role of International Law in Combating Terrorism. *Chinese Journal of International Law*. 2002. Issue 1. Pp. 305–314. (In Eng.).
52. Argonaut Conference. January-February 1945. Papers and Minutes of Meetings. Edited and Published by the Office, U.S. Secretary of the Combined Chiefs of Staff. 355 p. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Malta>. (In Eng.).
53. *Bennett G.* What's the Context? 4 February 1945: the Yalta Conference Opens. February 4, 2015. Available at: <https://history.blog.gov.uk/2015/02/04/whats-the-context-4-february-1945-the-yalta>. (In Eng.).
54. *Bergesen A. J., Lizardo O.* International Terrorism and the World-System. *Sociological Theory*. 2004. Vol. 22. Issue 1. Pp. 38–52. (In Eng.).
55. *Bianchi A.* Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-Terrorism Measures: The Quest for Legitimacy and Cohesion. *The European Journal of International Law*. 2006. Vol. 17. Issue 5. Pp. 881–919. (In Eng.).
56. *Cassese A.* International Law. Oxford: Oxford University Press, 2005. 560 p. (In Eng.).
57. Consideration of the Provisions of Chapter VII of the Charter (2000-2003). *Actions with Respect to Threats to the Peace, Breaches of the Peace, and Acts of Aggression. Repertoire of the Practice of the Security Council*. Available at: https://www.un.org/en/sc/repertoire/2000-2003/00-03_11.pdf#page=5. (In Eng.).
58. *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Provoked the Cold War. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2012. 533 p. (In Eng.).
59. Dr. Leo Pasvolosky of U. N. Fame; Economist, Ex-Aide at State Department Wrote Charter of World Organization. *New York Times*. May 7, 1953. Available at: <https://www.nytimes.com/1953/05/07/archives/dr-leo-pasvolosky-of-u-n-fai-ie-economist-exaide-at-state-department.html?sq=pasvolosky&scp=1&st=p>. (In Eng.).
60. *Druzin B. H.* Why Does Soft Law Have Any Power Anyway? *Asian Journal of International Law*. 2017. Issue 1. Pp. 361–378. DOI: 10.1017/S2044251316000229. (In Eng.).
61. *Dykmann K.* On the Origins of the United Nations: When and How Did It Begin? *Journal of International Organizations Studies*. 2012. Issue 3. Pp. 79–84. (In Eng.).
62. *Farkhudinov I.* The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 505 p. (In Eng.).

63. Fassbender B., Peters A. Towards a Global History of International Law. *The Oxford Handbook of the History of International Law*. Ed. by B. Fassbender, A. Peters. Oxford University Press, 2013. 1272 p. (In Eng.).
64. Grewe W. G. The Epochs of International Law. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000. 802 p. (In Eng.).
65. Guzman A. T., Meyer T. L. International Soft Law. *Journal of Legal Analysis*. 2011. Vol. 2. Issue 1. Pp. 171–225. (In Eng.).
66. Harbutt F. J. Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 438 p. (In Eng.).
67. Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. New York: Oxford University Press, 1994. 274 p. (In Eng.).
68. Higgins R. The United Nations at 70 Years: The Impact upon International Law. *International and Comparative Law Quarterly*. 2016. Vol. 65. Issue 1. Pp. 1–19. (In Eng.).
69. Hilderbrand R. C. Dumbarton Oaks: the Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security. University of North Carolina Press. Chapel Hill, London, 1990. 320 p. (In Eng.).
70. Hirsch F. Soviet Judgment at Nuremberg: a New History of the International Military Tribunal after World War II. New York: Oxford University Press, 2020. 536 p. (In Eng.).
71. Hudson M. O. Present Status of the Hague Conventions of 1899 and 1907. *The American Journal of International Law*. 1931. Vol. 25. Pp. 114–117. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/abs/present-status-of-the-hague-conventions-of-1899-and-1907/7D64970386859B83589567000B3491B6>. DOI: 10.2307/2189634. (In Eng.).
72. Hurd I. The UN Security Council and the International Rule of Law. *The Chinese Journal of International Politics*. 2014. Vol. 7. Issue 3. Pp. 361–379. (In Eng.).
73. Kennedy D. The Sources of International Law. *American University International Law Review*. 1987. Issue 1. Pp. 1–96. (In Eng.).
74. Mälksoo L. Sources of International Law in the 19th Century. Insights from Practice and Theory. *The Oxford Handbook of the Sources of International Law*. Ed. by J. d'Aspremont, S. Besson. Oxford University Press, 2017. Pp. 146–162. (In Eng.).
75. Mazower M. No Enchanted Palace. The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. 203 p. (In Eng.).
76. McKeown A. Periodizing Globalization. *History Workshop Journal*. 2007. Issue 63(1). Pp. 218–230. (In Eng.).
77. Meacham J. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York: Random House Trade Paperbacks, 2004. 512 p. (In Eng.).
78. O'Connell M. E., Niyazmatov M. What is Aggression? Comparing the Jus ad Bellum and the ICC Statute. *Journal of International Criminal Justice*. 2012. Issue 10 (1). Pp. 189–207. (In Eng.).
79. Ostrower G. B. The League of Nations from 1919 to 1929 (Partners for Peace). Garden City Park, New York, 1996. 176 p. (In Eng.).
80. Peace Treaties and International Law in European History. From the Late Middle Ages to World War One. Ed. by R. Lesaffer. Cambridge University Press, 2004. 488 p. (In Eng.).
81. Plesch D. 'America, Hitler and the UN': Panel Discussion at International Peace Institute. March 22, 2011. Transcription. (In Eng.).
82. Plesch D. America, Hitler and the UN: How the Allies Won World War II and Forged a Peace. London: I. B. Tauris, 2011. 250 p. Available at: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2011/03/pdfs_transcript-march22-america-hitler-un.pdf. (In Eng.).
83. Plokhy S. I. Yalta: The Price of Peace. Penguin Books, 2011. 451 p. (In Eng.).
84. Priemel K. C. The Betrayal: The Nuremberg Trials and German Divergence. Oxford: Oxford University Press, 2016. 496 p. (In Eng.).
85. Reisman M. W. The Concept and Functions of Soft Law in International Politics. *Essays in Honour of Judge Taslim Olawale Elias*. Vol. I. Contemporary International Law and Human Rights. 1992. Pp. 101–145. (In Eng.).
86. Renaut M.-H. Histoire du droit international public. Paris: Ellipses, Mise au point, 2007. 190 p. (In Fr.).
87. Reynolds G. From World War to Cold War. Oxford University Press, 2006. 374 p. (In Eng.).
88. Schlesinger S. C. Act Of Creation: The Founding of the United Nations: A Story of Superpowers, Secret Agents, Wartime Allies and Enemies, and Their Quest for a Peaceful World. Westview Press, 2004. 374 p. (In Eng.).

89. *Show M. N.* International Law. Sixth edition. New York: Cambridge University Press, 2008. 1710 p. (In Eng.).

90. *Silverburg S. R., Alshdaifat S.* 'Strategic Chaos': The Role of International Law. *Saudi Journal of Humanities and Social Sciences*. 2017. Vol. 2. Issue 8. Pp. 736–743. (In Eng.).

91. *Simon H.* The Myth of *Liberum Ius ad Bellum*: Justifying War in 19th-Century Legal Theory and Political Practice. *The European Journal of International Law*. 2018. Vol. 29. Issue 1. Pp. 113–136. (In Eng.).

92. *Stromseth J.* The Security Council's Counter-Terrorism Role: Continuity and Innovation. *American Society of International Law*. 2003. Issue 97. Pp. 41–45. (In Eng.).

Информация об авторах:

Н. А. Чернядзева, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия
295000, Россия, г. Симферополь, ул. Павленко, 5
ORCID: 0000-0003-2222-1886
ResearcherID: G-8772-2013

Ю. В. Васильева, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой трудового и международного права

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0002-8010-340X
ResearcherID: F-7864-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-216–225
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-329-336
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477

93. *Sunstein C. R.* Political Conflict and Legal Agreement (December 1, 1994). The Tanner Lectures on Human Values, Delivered at Harvard University, November 29 and 30 and December 1, 1994. 113 p. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2544359>. (In Eng.).

94. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M., 1938–1945. Cassell, 1971. G. P. Putnam's Sons; 1st ed. 881 p. (In Eng.).

95. United Nations Peacekeeping Helps Countries Torn by Conflict Create Conditions for Lasting Peace. Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/what-is-peacekeeping>. (In Eng.).

96. *Werle G.* Principles of International Criminal Law. Second Edition. T.M.C. Asser Press, 2009. 658 p. (In Eng.).

About the authors:

N. A. Cherniadeva

Crimean Branch of the Russian State University of Justice
5, Pavlenko st., Simferopol, 295000, Russia
ORCID: 0000-0003-2222-1886
ResearcherID: G-8772-2013

Yu. V. Vasilyeva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0002-8010-340X
ResearcherID: F-7864-2016

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-216–225
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-329-336
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477